

STUDIA
RELIGIOSA

МАРК
ЮРГЕНСМЕЙЕР

”УЖАС МОЙ ПОШЛЮ
ПРЕД ТОБОЮ“

РЕЛИГИОЗНОЕ НАСИЛИЕ
В ГЛОБАЛЬНОМ
МАСШТАБЕ

18+

Марк Юргенсмейер
«Ужас Мой пошлю пред
тобою». Религиозное насилие
в глобальном масштабе
Серия «Studia religiosa»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67058796

*«Ужас Мой пошлю пред тобою». Религиозное насилие в глобальном масштабе: Новое литературное обозрение; Москва; 2022
ISBN 9785444816653*

Аннотация

Насилие часто называют «темной изнанкой» религии – и действительно, оно неизменно сопровождает все религиозные традиции мира, начиная с эпохи архаических жертвоприношений и заканчивая джихадизмом XXI века. Но почему, если все религии говорят о любви, мире и всеобщем согласии, они ведут бесконечные войны? С этим вопросом Марк Юргенсмейер отправился к радикальным христианам в США и Северную Ирландию, иудейским zealotам, архитекторам интифада в Палестину и беженцам с Ближнего Востока, к сикхским активистам в Индию и буддийским – в Мьянму и Японию. Итогом стала эта книга – наиболее авторитетное на

сегодняшний день исследование, посвященное религиозному террору и связи между религией и насилием в целом. Ключ к этой связи, как заявляет автор, – идея «космической войны», подразумевающая как извечное противостояние между светом и тьмой, так и войны дольного мира, которые верующие всех мировых религий ведут против тех, кого считают врагами. Образы войны и жертвы тлеют глубоко внутри каждой религиозной традиции и готовы превратиться из символа в реальность, а глобализация, политические амбиции и исторические судьбы XX–XXI веков подливают масла в этот огонь. Марк Юргенсмейер – почетный профессор социологии и глобальных исследований Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие и благодарности	11
1. Введение. Террор и Господь Бог	20
Смысл религиозного терроризма	24
Культуры насилия: взгляд изнутри	38
Часть первая. Культуры насилия	50
2. Христово воинство	50
«Поборник» христианского мира Андерс Брейвик	51
Тимоти Маквей и подрыв федерального здания в Оклахома-Сити	57
Майкл Брей и взрывы в абортариях	73
Обоснования насилия в христианстве	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Марк Юргенсмейер «Ужас Мой пошлю пред тобою».

Религиозное насилие в глобальном масштабе

Жертвам террора

*«Ужас Мой пошлю пред тобою, и в смищение
приведу всякий народ...»
Исх 23:27*

Предисловие к русскому изданию

С тех пор как я начал вести общемировую хронику религиозного насилия прошло вот уже тридцать лет – и ситуация меняется каждый год: появляются новые случаи, преобразаются старые. От религиозной политики и зачастую агрессивных протестов не застрахован ни один уголок земного шара, так что религиозное насилие возникало в рамках всех религиозных традиций – христианства, иудаизма, ислама, индуизма, буддизма и сикхизма, – поистине став глобальным фе-

номеном глобальной эпохи.

Во многих случаях соответствующие движения – реакция на глобализацию и возникают из страха, что уникальная идентичность национальных культур потонет в море секуляризма. В каждом случае свои причины и особенности, однако же общая тема одна: утрата веры в секулярный национализм. Отправляясь именно от религии, такие движения критикуют местные правительства и оспаривают у них легитимность в стремлении завладеть политической властью.

За те пять лет, что прошли с момента публикации четвертого издания книги, с которого делался русский перевод, произошел ряд существенных изменений. «Исламское государство» лишилось практически всех своих территорий, хотя сама группа по-прежнему существует в форме партизанских отрядов. В христианских культурах Европы и США набирают обороты движения, организующие ксенофобные и антимигрантские протесты. В Америке одной из ведущих террористических угроз стали воинствующие «правые» боевики.

Иная форма связанного с религией терроризма – политика самих государств. Хотя в целом государственный терроризм в книге не освещается, сам этот феномен более чем реален и привязан к религиозным активистским движениям. Среди примеров такого насилия, которое власти либо поддерживают, либо закрывают на него глаза, можно назвать кошмарное угнетение уйгуров в Китае и фактически гено-

цид мусульман-рохинджа в Мьянме. Собранные в этой работе кейсы, однако же, касаются движений негосударственных и антиавторитарных.

Представленный эмпирический материал не покрывает также и те движения, которые являются секулярными или чисто националистическими. Так, в Европе возникли неонацистские движения, враждебные мультикультурным обществам, которые сформировались под влиянием новых паттернов иммиграции – в особенности из исламских стран. В США для «правых» националистических групп характерно как патриотическое рвение, так и определенный налет религиозности. Несмотря на масштабы этих движений и на то, что ими движут те же тревоги, что и другими, основанными на религии, эта книга посвящена только этим последним.

Цель данной работы – попытаться понять возникший в последние десятилетия глобальный феномен религиозного насилия. Два основных вопроса, на которые я хотел бы ответить, такие: как эти насильственные движения связаны с религией? И почему они возникают именно сейчас?

Ответ на первый вопрос обусловлен тем, что религия способна легитимировать альтернативные основания политической власти. Благодаря религиозным лидерам и текстам протестные движения обретают моральный авторитет и востребованные ими символы усиления¹. Самым же мощным

¹ Здесь и далее неприводимое на русский язык слово *empowerment*, означающее одновременно символическое вдохновение, осознание собственной силы и

ресурсом любых религиозных традиций является, по-видимому, космическая война. Это понятие, вдохновленное живописуемыми в священных текстах масштабными войнами, предполагает, что в некоторых своих формах борьба ведется не только между враждующими партиями, но и между основополагающими аспектами бытия – истиной и ложью, верой и безверием, порядком и хаосом. Если вы и вправду считаете, что ваша война – Божья, то почувствуете себя куда сильнее.

Ответ на второй вопрос – почему все эти движения возникают именно что в последнее время – отсылает к эрозии авторитета в связи с глобализацией. Поскольку государственные режимы слабеют от постоянных нападков на национальную идентичность и социальный контроль, их легитимность сегодня оспаривают движения, основанные на авторитете религии. Исходя из этого, неудивительно, что в эпоху глобальных перемен «вирус» социального разлада распространяется по всему земному шару, а это во множестве случаев порождает завязанные на ресентименте околорелигиозные движения.

В книге рассматривается как весь спектр этих движений вызова и перемен, так и связанные с ними насильственные инциденты. Она отнюдь не претендует на всесторонний

реальное укрепление движения, будет систематически передаваться как «усиление». Это технический термин, но эту его многозначность необходимо иметь в виду. – *Прим. перев.*

охват: в нее можно было бы включить анализ и множества других событий и групп. В Африке, к примеру, наблюдается подъем движений вроде «Боко Харам» и «Господней армии сопротивления» – соответственно, присягнувшей ИГИЛ исламской группы и христианского ополчения. Если бы для охвата всех разновидностей жестокого религиозного активизма нашей эпохи в эту работу вошли те и другие, она за просто разрослась бы до пары томов, а то и до целой библиотеки.

Однако даже в таком ограниченном масштабе книга стремится показать, что религиозное насилие проявляется в общественной жизни повсюду и в каждой духовной традиции. Нет религий, склонных к насилию больше других: ислам по природе своей не насильственнее того же христианства. И точно так же нет религии, которая была абсолютно ненасильственной и свободной от прецедентов кровавого активизма – он присутствует даже в буддийских обществах. Нынешнее религиозное насилие поистине глобально.

Просуществуют ли эти движения вечно? Меня порой спрашивают, является ли сегодняшний период мировой истории кратковременной социальной «ломкой» или так оно все и останется. На это я отвечаю, что конкретные движения как появляются, так и исчезают. Часто они существуют не более нескольких лет, не вынеся груза собственных же надежд на религиозное и социальное возрождение, или тонут в коррупции и внутренних дразгах борьбы за власть. Од-

нако же общая нарастающая разуверенность в секулярном национализме – проблема, которая некоторое время останется с нами. Провоцирующие ее тенденции – демографические сдвиги, международные экономико-социальные перемены – продолжат терзать национальные государства, что приведет к оформлению неонационалистических и оппозиционных движений. Некоторые из них в поисках легитимации обратятся к религии.

Поэтому история «религиозного насилия в глобальном масштабе» еще далеко не окончена, и последние ее главы только предстоит написать. Надеюсь, что изложенные в этой книге идеи и заявленный в ней подход к анализу феномена останутся полезными для понимания новых и существующих ныне форм религиозного насилия и в будущем.

Предисловие и благодарности

Меня иногда спрашивают, с чего бы такому славному парню, как я, изучать религиозный терроризм. Интеллектуальные объяснения задающих этот вопрос, как правило, не устраивают – как если бы одного моего интереса к общемировым религиозным и социальным процессам было мало. Им нужно еще что-то личное.

Обычно я отвечаю, что занимался национализмом и глобальным конфликтом, а потом заинтересовался регионами, где общество менялось с большим трудом, а мирные решения оборачивались насилием. Некоторое время прожив в индийском штате Пенджаб, где разворачивалась борьба между правительством и воинствующими сикхами, я собственными глазами мог наблюдать разрыв социальной ткани. Запечатлев в своей памяти ужасы той эпохи террора, я отправлялся в беспокойные места по всему миру с целью понять, как рушится гражданский порядок и как именно могут переплетаться религия и насилие.

Однако другой мой ответ и вправду довольно личный. Как человек, выросший в набожном окружении среднезападного протестантизма, я знал, сколь мощно религия способна преобразовать человеческий потенциал. Для меня эта ее преобразующая способность всегда была чем-то хорошим (и в основном ненасильственным) – как связанная с мотивами лич-

ной целостности и социального искупления. Я говорю «в основном», потому что даже из собственного участия в право-защитных и антивоенных движениях предшествующего поколения вспоминаю моменты, когда дело доходило до открытой конфронтации, а порой и до кровопролития. Поэтому я ощущаю определенное сродство с нынешними религиозными активистами, для которых религия – это всерьез, и спрашиваю себя, не движет ли ими, помимо прочего, настолько сильная и безусловная вера, что из моральных соображений они даже готовы убивать и быть убитыми.

Сам я в своем общественном активизме, впрочем, до таких пределов не доходил и по-прежнему не могу вообразить ситуацию, когда даже самое достойное дело оправдывало бы отнятие чужой жизни. Поэтому мне захотелось понять: что еще движет теми, кто за это достойное дело не просто сражается, а идет на религиозные теракты? Я задался вопросом, почему их взгляды на религию и участие в общественной жизни приняли такой летальный оборот и почему они насколько не сомневаются, что вправе сеять разруху и смерть, – и сеют их так жестоко и напоказ.

В поисках ответов на эти вопросы я обратился к изучению не только индивидов или отдельных кейсов, но и к более общим социально-политическим изменениям, которые происходят сегодня в мире и выступают контекстом для множества насильственных инцидентов. Этой же теме посвящена и другая моя работа, в своем роде спутница этой – «Глобальное

восстание: религиозные вызовы секулярному государству»², хотя тут вместо активистских движений я скорее делаю акцент на кровавых событиях. В итоге я обнаружил, что исследование этого поразительного феномена может немало поведать нам как о самой религии, так и о публичном насилии и современном обществе в масштабах почти всего мира.

Эта книга – о «темной сделке» между религией и насилием. Анализируя ряд совершавшихся на протяжении тридцати лет актов религиозного терроризма, в этой работе я стремлюсь понять порождающие их культуры насилия. В ходе интервью с их защитниками и непосредственными исполнителями я утвердился во мнении, что инциденты такого рода нужно рассматривать как публичные перформансы, а не как реализацию некой политической стратегии: это символические заявления, цель которых – вселить в отчаявшиеся сообщества ощущение силы. Сколь пьянящую иллюзию своей мощи должно было создать падение башен-близнецов Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года для тех, кто заставил их рухнуть!

Религия играет в этих актах центральную роль, поскольку дает убийству моральное обоснование³ и облекает его в образы космической войны, которые позволяют активистам мыс-

² Juergensmeyer M. Global Rebellion: Religious Challenges to the Secular State. University of California Press, 2008.

³ Здесь и далее понятие *justification* систематически переводится как активное «обоснование» в противоположность более пассивному «оправданию» как отрицанию некой вины. – Прим. перев.

лить себя проводниками «высшего замысла». Это не означает, что религия порождает насилие, – в этом обыкновенно виноваты социальные и политические проблемы, – однако в ней действительно есть символы и традиции, связанные с пролитием крови и даже катастрофическими актами терроризма. Именно это я и имею в виду под «религиозным насилием» – насилие, не порожденное религией, но с ней связанное.

Насильственные идеи и образы – не монополия какой-то одной религии, и кровавый активизм мог подпитываться почти что от всех великих традиций: христианство, иудаизм, ислам, индуизм, сикхизм и буддизм. Быть может, называть Усаму бен Ладена «исламским» террористом или Андерса Брейвика – «христианским», как будто к насилию их подтолкнули исключительно мусульманские или христианские убеждения, и неверно; однако же то, что они и множество самых разных субъектов публичного насилия от них отправлялись, указывает на сущностно революционный характер любой религии, снабжающей идеологическими ресурсами альтернативные идеалы общественного порядка.

Но если это всегда было так, почему столь жестокие нападения на общественный порядок происходят именно сейчас? За ответом на этот вопрос я обратился к текущей глобальной ситуации. Что международная политика – заговор, а экономический «новый мировой порядок» – система угнетения, открыто заявляли такие непохожие активисты, как ру-

ководство ИГИЛ, буддийские активисты в Юго-Восточной Азии и христианские ополченцы⁴. В контексте эпохи глобализации и постмодерна происходит ослабление авторитета и высвобождение локальных сил. Я не имею в виду, что религиозное насилие обусловлено только глобализацией, – однако же, может статься, именно из-за нее такое количество случаев религиозного насилия происходит одновременно во множестве точек земного шара.

Новое издание книги позволяет мне лучше прояснить, чему же она посвящена; кроме того, для охвата недавних событий я внес в нее ряд исправлений. Хотя я и пытаюсь в ней рассказать, как публичные активисты подчиняют религию своему мрачному восприятию мира, в конечном счете это отнюдь не высказывание «против» религии, а признание того, что религиозное воображение по-прежнему играет в общественной жизни огромную роль и многие люди могут найти в ней не источник насилия, а исцеление от него.

В этой попытке понять нынешний всплеск религиозного насилия я изъездил по великому множеству поводов целый мир – и везде находились коллеги, которых я хотел бы поблагодарить. Без людей, помогавших мне идеями и нужными связями, положенные в основу проекта эмпирические исследования были бы невозможны. В Багдаде с организацией

⁴ Аналогично, понятие *militia* во избежание лишних коннотаций будет переводиться как «ополчение», будь то христианское, исламское, сикхское и так далее. – Прим. перев.

интервью мне помогали Мэри Калдор и Яхья Саид из Центра глобального управления Лондонской школы экономики, равно как и Ханаа Эдвардс и Ширук аль-Абайяджи из местной правозащитной организации «Аль-Амаль». Интервью с беженцами от ИГИЛ в Иракском Курдистане и Турции удалось благодаря помощи Ибрахима Барласа из Тихоокеанского института, Ибрахима Анли из стамбульского Фонда журналистов и писателей, а также Ардалана Джалала (Эрбильский форум по безопасности и суверенитету на Ближнем Востоке) и Хасана Йильмаза (Ассоциация предпринимателей и бизнесменов Диярбакыра). В Израиле с изучением еврейского активизма мне помогали Эхуд Шпринцак и Гидеон Аран; Заид Абу-Амр, Ариэль Мерари и Тахир Шрайпех делились со мною мыслями о движении ХАМАС; Центр израильских исследований имени Ицхака Рабина и Экуменический институт Тантур в Иерусалиме предоставили мне жилье и все необходимое для поездок; Аарон Сантелл и Барзин Пакандам принимали участие в исследованиях. За контакты и интервью на палестинском Западном берегу я признателен Шамиру Барбазу, а за интервью в кибуцах – Алону Бёрнштейну. Интервью в тюрьме Ломпока, штат Калифорния, состоялось благодаря помощи Терри Руфа, зрителя Дэвида Рардина, младшего зрителя Джека Атертона, а также конгрессмена (и дорогого коллеги) Уолтера Кэппса. В том, что касается христианских ополчений и «антиабортников», я благодарен Майклу Баркуну, Джулии Ингерсолл и Мэтту Миллеру.

В Белфасте я ценю помощь Джима Гибни и пресс-службы «Шинн Фейн» и многое узнал от Тома Бакли, Брайана Мёрфи и Мартина О’Тула. Kontakтами с сикхскими активистами в Индии и США, а также помощью в понимании пенджабской политики я многим обязан Синтии Махмуд, Гуриндеру Сингху Манну, Хью Маклауду, Харишу Пери и коллегам-сикхам, которые предпочли сохранить анонимность. За всестороннюю поддержку в Индии я в долгу перед друзьями и коллегами Маноранджан и Бидытом Моханти. В Японии войти в контакт с движением «Аум Синрикё» – как и понять его суть – мне помогли Коиши Мори, Иан Ридеру и Сусуму Симадзоно. В Мьянме для меня любезно переводил Тейн То Вин, Джессика Маддитт и Шерпа Хуссейни организовывали встречи, а Коллин Дворак поддерживал в исследованиях. За помощь в мониторинге сайтов ИГИЛ и твиттер-аккаунтов его сторонников я благодарю своих ассистентов Муфида Таха и Сабу Садри, а также команду исследовательского проекта «Разрешение джихадистских конфликтов» в Уппсальском университете (Швеция). В Санта-Барбаре я глубоко ценю поддержку коллег с факультетов глобальных исследований, социологии и религиоведения, а также ученых из Орфалейского центра глобальных и международных исследований и лично директора программы Виктора Фасселя.

С публикацией книги мне помогали выдающиеся профессионалы издательства *University of California Press*, в том числе редакторы Рид Малколм и Эрик Шмидт и директор Эли-

сон Маддитт. Именно Элисон я обязан контакту с ее родственницей Джессикой в Янгоне – городе, ключевом для интервью в Мьянме. Многие годы редакторы издательства помогали поддерживать высокие стандарты серии *Comparative Studies in Religion and Society*, и я польщен тем, что эту книгу сочли достойным к ней прибавлением. Высокую планку иного рода установила также моя коллега и супруга Сучэн Чань, которая всегда настаивает на лучшем и чьи собственные работы – образец изящества и концептуальной ясности.

Кроме того, я выражаю признательность всем активистам, с которыми проводил интервью и чьи имена перечислены в конце работы. Я хорошо знаю, что многие из них – особенно те, кто по личным и моральным, с их точки зрения, причинам защищал насилие, – сочтут, что я превратно их понял или изложил их взгляды недостаточно точно. Может быть, они правы. Попытаться понять – значит совершить над собой усилие, войти в мир других людей и воссоздать моральную и стратегическую логику их решений. Возможно, такие попытки всегда – и неизбежно – в чем-то несовершенны, поскольку я не живу их жизнью и в данном случае осуждаю их личный выбор. Однако же я надеюсь, что персонажи этой книги согласятся со мною в том, что эта попытка нацелена не только на их собственное благо, но также на то, чтобы настал лучший мир, в котором на место желчи и ненависти наступит то самое понимание.

Однако же какой бы вклад эта и многие другие работы ни

внесли в дело понимания и сдерживания насилия, для некоторых людей уже слишком поздно: я говорю о тех, кто пострадал от терактов. Я посвящаю эту книгу умершим, раненым и потерявшим свои дома из-за нынешних актов религиозного терроризма. Их жертвы не будут забыты. Эта работа написана с убеждением, что те же религии, которые послужили источниками этих чудовищных разрушений, несут в себе также невероятную способность исцелять, строить заново и вселять надежду.

1. Введение. Террор и Господь Бог

15 ноября 2015 года шайка молодых бельгийцев и французов – выходцев из Северной Африки и с Ближнего Востока – проникла в Париж. Эта ночь обернется адским кошмаром. Некоторые из них начали сеять хаос на «Стад де Франс» – стадионе, где в тот день сошлись в товарищеском матче команды из Франции и Германии и где присутствовал сам президент Франсуа Олланд. Одного из нападавших задержали еще на входе, и он подорвал свою бомбу снаружи. Остальные один за другим врывались в кафе, убивая простых французов, вышедших насладиться прекрасным вечером. Кульминацией же трагедии стал захват «Батаклана» – располагавшегося в том же районе концертного зала, где вооруженные до зубов юные головорезы начали без разбору палить в толпу и кидать ручные гранаты. Когда на место бойни прибыли полицейские, число жертв этой ночи достигло 130 убитых, включая семерых нападавших, связанных, по некоторым сведениям, с ИГИЛ, и более 300 раненых.

Однако от этого нападения пострадали не только чьи-то жизни и вещи: оно поколебало уверенность, с какой видели мир большинство парижан и людей по всему миру, наблюдавших за ним по телевизору и в соцсетях. Как и в случае с другими терактами, окровавленные жертвы в новостях фигурировали на самом обычном фоне – в данном случае ста-

диона, концертного зала, уличных кафе посреди городского вечернего оживления, – так что все эти предназначенные для развлечений и обжитые места выглядели на фоне бойни как-то причудливо-неуместно. Многие видевшие эти картины сочли их символами угрозы их собственной обыденной жизни и косвенным образом почувствовали тревогу – и ужас – тех, кто испытал ее первым. В конце концов, среди раненых мог быть любой, кто когда-нибудь бывал на стадионе, в концертном зале, сидел в кафе, – то есть в развитых странах почти кто угодно. В этом смысле целью нападения был не только Париж, но и нормальная жизнь, какой знает ее большинство из нас.

В точно таком же ужасе распрощались с невинностью 11 сентября 2001 года американцы, когда узнали из телевизора об атаке на Всемирный торговый центр (ВТЦ). Однако же несколько серий терактов они пережили еще в годы, которые непосредственно предшествовали разрушению ВТЦ: это спровоцированная этнической ненавистью стрельба в Калифорнии и Иллинойсе; нападения на посольства в Африке; взрывы в абортариях Алабамы и Джорджии; бомбовая атака на Олимпийских играх в Атланте, подрыв военно-жилого комплекса в Дахране, что в Саудовской Аравии; трагические последствия взрыва федерального здания в Оклахома-Сити; наконец, атака на тот же ВТЦ в 1993-м, ставшая зловещим предзнаменованием того ужаса, что настиг его через восемь лет. Все эти инциденты и множество других актов насилия,

которые с тех пор ассоциировались с американскими религиозными экстремистами – как мусульманскими радикалами, так и воинствующими христианами, – заставили жителей США поддержать ту же нелегкую позицию, которую уже занял весь остальной мир. Глобальное общество должно все активнее противостоять религиозному насилию, и притом на ежедневной основе.

Еще до описанных событий в Париже французам пришлось столкнуться с атакой на редакцию сатирического журнала «Шарли Эбдо» и бомбами, заложенными в метро исламскими активистами из Алжира; британцы пережили джихадистские бомбовые атаки на подземку в Лондоне, а также подрывы грузовиков и автобусов ирландскими националистами-католиками; японцев в токийском метро травил нервно-паралитическим газом индуистско-буддийская секта. В Индии жители Дели страдали от рук сикхских и кашмирских сепаратистов, взрывавших автомобили, и атак на здание парламента и отели в Мумбаи, совершенных активистами из числа мусульман; на Шри-Ланке районы Коломбо громились воинствующими тамилами и сингалами, а в Мьянме мусульманские части города опустошались негодующими буддийскими националистами. «Господня армия сопротивления» – экстремистская христианская группа во главе с Джозефом Кони – сеяла ужас в сельской Уганде; в Нигерии пролила реки крови «Боко Харам». Египтянам пришлось ужиться с атаками исламистских боевиков на кофей-

ни и теплоходы, индонезийцы стали свидетелями взрывов в ночных клубах на Бали – дела рук активистов, присягнувших «Аль-Каиде»; из-за нападений, приписываемых сторонникам «Исламского фронта спасения», целые деревни потеряли алжирцы; израильтяне и палестинцы столкнулись с убийствами, бывшими делом рук экстремистов-евреев и мусульман. Теракты, организованные воинствующими как суннитами, так и шиитами, вошли в уклад жизни в Пакистане и Сирии.

Все эти случаи не только относятся к одному и тому же времени, но и объединены двумя поразительными чертами. Во-первых, насилие – и даже изощренная жестокость – использовалось с расчетом на то, чтобы посеять ужас. И во-вторых, все они связаны так или иначе с религией.

Смысл религиозного терроризма

В собственную мою жизнь безумие религиозного насилия вторглось одним ранним утром в самый разгар иракского конфликта, когда я проснулся от оглушительного хлопка бомбы террориста-смертника, взорвавшего военную базу по ту сторону реки от моего отеля в Багдаде. Часом позже я шел по улице, где произошел взрыв: городская жизнь продолжалась там как ни в чем не бывало. Будучи в Северной Ирландии, из новостей я узнал о подрыве автомобиля, случившемся в том самом районе Белфаста, где я был за день до этого. На следующий день тем же образом разнесли несколько пабов и магазинов – по-видимому, в знак протеста против заключенного в том году хрупкого мира. Такие шокирующие случаи, когда я был на волосок от гибели, повторялись и позже. Один из них случился в Израиле: террорист-смертник из боевого крыла ХАМАС – палестинского мусульманского политического движения – разнес на куски автобус рядом с Еврейским университетом на следующий день после того, как я туда заходил, вроде бы даже проехавшись тем же автобусом. Образы кратера от багдадского взрыва, изуродованных тел на иерусалимской улице и дотла сгоревшего паба напрямую и сразу же повлияли на то, как я видел мир.

Именно тогда я и понял, что именно в той или иной степени чувствует при виде последствий теракта каждый: в иной

день и в другое время – возможно, что и не в этом автобусе – одним из разорванных тел могло быть ваше или мое. Однако, узнав из новостей о взрывах в Багдаде, Белфасте или Иерусалиме, я испытал отнюдь не облегчение, что остался цел, а чувство, что меня предали, что в мире, где существуют теракты, мою личную сохранность и безопасность – то, на чем основывается жизнь в обществе, – нельзя, вообще говоря, считать чем-то само собой разумеющимся.

В этом, как я полагаю, и есть вся суть: терроризм стремится посеять ужас. Само это слово происходит от латинского *terrere*, «повергать в трепет», и в политическом смысле – как посягательство на гражданский порядок – стало повсеместно употребляться в конце XVIII века во время якобинского террора в эпоху Французской революции. Исходя из этого, массовая реакция на террористическое насилие – тот самый «трепет» – заложена в самом термине. Посему вполне справедливо, что это мы – те, кого заставляют содрогнуться, а не те, кто его совершает, – и определяем, что есть теракт. Именно мы – или, что чаще, публичные фигуры и новостные СМИ – вешаем на акты насилия тот ярлык, который делает их терроризмом. Это показательные акты разрушения, лишённые отчетливой военной цели и вселяющие в людей страх.

Когда же мы обнаруживаем другую черту, которая нередко сопровождает эти публичные акты насилия, – обоснование их посредством религии, – этот страх переходит в ярость. Многим из нас представляется, что религия обяза-

на нести мир и покой, а не ужас, – и все же именно она во множестве случаев послужила для террористов источником не только идеологии, но и социальной идентичности, и организационной структуры. Некоторые теракты совершают, конечно, и государственные должностные лица, когда с целью подчинить население раскручивают маховик «государственного терроризма». По своему числу жертвы развращенных властей оставляют жертв религиозно мотивированных терактов далеко позади: здесь на ум сразу приходят сталинские репрессии, поддержанные властями «эскадроны смерти» в Сальвадоре, учиненный красными кхмерами геноцид в Камбодже, этнические чистки в Боснии и Косово, развязанное правительством насилие между хуту и тутси в Центральной Африке. США обвиняли в терроризме за бесчинства военных кампаний в Афганистане и Ираке – да и в том, чтобы считать терактом погубивший сотни тысяч невинных людей сброс ядерных бомб на Хиросиму и Нагасаки в конце Второй мировой войны, тоже есть некоторый резон.

Вопреки всему этому, обычно термин «терроризм» резервируется за насилием со стороны обделенных властью и влиянием групп, которые отчаянно пытаются урвать себе кусок того или другого. Хотя у государств со всей их военной мощью возможностей для убийства больше, чем у подобных движений, их численность, беззаветная преданность своему делу и опасная непредсказуемость обеспечили им куда больше влияния, чем можно было вообразить при их скромных

ресурсах. Цели некоторых из таких групп были чисто секулярными. Их могли вдохновлять левые идеологии, как в случае «Сияющего пути» или «Революционного движения имени Тупака Амару» в Перу и «Красной армии» в Японии, или идеи этнического или национального сепаратизма, как баскских боевиков в Испании или курдских националистов в Турции.

Однако же намного чаще теракты были связаны с религией – нередко в комплексе с социальными, политическими или другими факторами. Изначально общее впечатление, что в последние десятилетия XX и в первые – XXI века мир захлестнула волна религиозного насилия, сложилось у тех, кто фиксирует подобные вещи по долгу службы. В 1980 году в реестре Госдепартамента США среди международных террористических групп едва ли числилась хоть одна религиозная организация. В конце же XX века – около двадцати лет спустя – с религией были так или иначе связаны более половины групп, среди которых были иудейские, мусульманские и буддийские⁵. Если включить в этот список и прочие прибегающие к насилию религиозные группы со всего мира, в том числе христианские ополчения и другие военизированные организации, обильно представленные в самих США, количество религиозных террористических групп станет еще значительней. Согласно «Хронологии международного терроризма», которую корпорация RAND ведет совместно с Сент-

⁵ Global Terror // Los Angeles Times. 1998, August 8: A16.

Эндрюсским университетом, в конце 1990-х процент религиозных групп вырос от шестнадцати из сорока девяти террористических групп до двадцати шести из пятидесяти шести по информации на следующий год⁶. Поэтому терроризм по религиозным или этническим мотивам в правительстве США часто называют «важнейшим вызовом безопасности со времен „холодной войны“»⁷, как выразился один из его представителей.

Именно это странное взаимное притяжение между религией и насилием и составляет предмет настоящего исследования. Хотя некоторые наблюдатели и склонны полагать их нынешнюю связь абберрацией, продуктом политических идеологий или такой «мутантной» формы религии, как фундаментализм, я позволю себе с ними не согласиться. Вместо этого я предлагаю поискать объяснение в реалиях современной геополитики, которые усугубляются присутствующей в глубинах религиозного воображения насильственной жилкой. Религия, быть может, и не причина той ярости, которая по всему миру приводит к насилию, однако способна многократно эту ярость усилить.

Начиная с библейских войн и заканчивая авантюрами Крестовых походов и великими жертвами мучеников, наси-

⁶ Hoffman B. Inside Terrorism. Columbia University Press, 1998. P. 91.

⁷ Christopher W. «Fighting Terrorism: Challenges for Peacemakers», address to the Washington Institute for Near East Policy. 1996, May 21. Цит. по: Christopher W. In the Stream of History: Shaping Foreign Policy for a New Era. Stanford University Press, 1998. P. 446.

лие сопутствовало религии как ее тень, расцветившая самые мрачные и таинственные религиозные символы. Та власть над воображением, какой обладает религия, всегда оттенялась образами смерти. Вопрос «почему это так?» преследовал также и некоторых выдающихся ученых – среди прочих, Эмиля Дюркгейма, Марселя Мосса и Зигмунда Фрейда. Зачем религии насилие и насилию религия и почему некоторые верующие с такой охотой пользуются «божественным» правом на то, чтобы разрушать?

В последние годы, когда религиозное насилие объявилось вновь – и притом в форме, рассчитанной, чтобы провоцировать массовый ужас, – эти вопросы стали насущнее, чем когда-либо. Нынешние акты насилия зачастую обосновываются историческими прецедентами жестокого прошлого религии. Однако же в каждый исторический период порождавшие религиозное насилие совокупные механизмы имели свою специфику. Поэтому я сосредоточусь на кейсах религиозного насилия как в их собственном культурном контексте, так и в рамках характерных уже для нашего времени глобальных социальных и политических изменений.

Эта книга посвящена религиозному терроризму. В ней рассматриваются публичные акты насилия конца XX и первых десятилетий XXI века, чье обоснование, организация и идейная подоплека определялись религией. Я попытался проникнуть в сознание тех, кто эти акты совершает или их одобряет. Моей целью было понять, почему они столь часто

мотивированы религией и почему в нынешний момент истории их стало так много. Хотя я ни в коем случае не сочувствую тем, кто творил эти ужасные вещи, я стремлюсь понять их самих и то, как они видят мир, настолько, чтобы узнать, как они сами и их сторонники обосновывают свои действия с точки зрения морали.

Меня озадачивает не то, почему зло творят люди скверные, а почему его творят те, кого в иных обстоятельствах мы бы назвали «хорошими», – в случае с религиозным терроризмом это благочестивые верующие, искренне преданные моральному видению мира. Принимая во внимание обволакивающую их цели возвышенную риторику, кажется тем трагичнее, что направленные на их достижение акты насилия калечат и рушат столькие жизни – и не только тех, кого они затронули непосредственно, но и тех, кто наблюдал за ними даже издалека.

Поскольку я стремлюсь понять порожденные этими актами насилия культурные контексты, акцент будет делаться скорее на связанных с ними идеях и поддерживающих «террористов» сообществах, чем на самих этих людях. Вообще говоря, с точки зрения целей настоящего исследования само слово «террорист» – чрезвычайно проблематичное. Одна из причин этого – что оно не дает провести отчетливое различие между теми, кто организует атаку, теми, кто ее совершает, и тем множеством людей, которые прямо или косвенно ее поддерживают. Следует ли полагать террористами их всех

или только некоторых – и если так, то кого именно? Иная связанная с этим словом проблема заключается в том, что его можно навешивать на определенную породу людей, совершающих акты насилия «террористов», в качестве ярлыка. Предполагается, что террористы попросту одержимы террористической деятельностью и оправдывают свои злодеяния чем угодно – то религией, то какой-то идеологией. Исходя из подобной логики, получается, что терроризм существует потому, что есть террористы, и стоит нам только от них избавиться, как мир сразу вздохнет с облегчением.

Сколь ни соблазнительно такое решение, на самом деле граница между «террористами» и их сообщниками, которые «не-террористы», очень тонка. Кроме того, непонятно, является ли «террористом» некто, еще не приступивший к подготовке теракта. Хотя в любом обществе есть и социопаты, и те, кто получает от убийства садистское удовольствие, они редко оказываются вовлечены в умышленные публичные акции, которые мы связываем с терроризмом, и лишь немногие исследования по терроризму отправляются только от личных качеств. Работы по психологии терроризма имеют дело с психологией прежде всего социальной – в них изучается то, как люди реагируют на те или иные групповые ситуации, открывающие возможность для публичных актов насилия⁸. Лично я не знаю ни одного исследования, в котором

⁸ См., напр., доклады с организованной Международным научным центром имени Вудро Вильсона конференции по психологии терроризма: Origins of

бы заявлялось, что люди могут быть террористами просто «по своей натуре». Хотя у отдельных вовлеченных в религиозный терроризм активистов и были психологические проблемы, остальные кажутся вполне нормальными и социально приспособленными, но попадают в специфические группы и перенимают крайние взгляды.

По большей части вовлеченные в религиозный терроризм люди похожи на доктора Баруха Гольдштейна, убившего более тридцати мусульман, когда те молились в Пещере Патриархов в Хевроне. Гольдштейн был врачом, вырос в семье среднего достатка в Бруклине и получил профильное образование в Медицинском колледже Альберта Эйнштейна в Бронксе. Приверженность радикальному сионизму привела его в Израиль в поселение Кирьят-Арба, но за долгие годы политической активности – он руководил предвыборной кампанией рабби Меира Кахане, когда тот избирался в местный парламент, – Гольдштейн не казался ни безумцем, ни негодяем. До хевронского нападения его самым громким политическим актом было письмо в редакцию *New York Times*⁹. Если Гольдштейн и был «перверсивной личностью» с глубокими изъянами, которые всплыли в какой-то момент на поверхность и превратили его в террориста, нам о них ничего не известно. Известное нам говорит об обратном: по-ви-

Terrorism: Psychologies, Ideologies, States of Mind / ed. Reich W. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cambridge University Press, 1990.

⁹ Барух Гольдштейн, письмо в редакцию *New York Times* (30 июня 1981 года).

димому, он был достойным человеком, подобно своим «коллегам» из ХАМАС, охваченным беззаветной преданностью социальному идеалу своей общины. К столь отчаянному и трагическому поступку его подтолкнула убежденность, что этим идеалу и общине что-то угрожает. Он был, безусловно, заиклен на своих опасениях и даже одержим ими, но навешивать на Гольдштейна ярлык террориста еще до того, как он совершил свой чудовищный поступок, значило бы объявить, что он – террорист по натуре и что все его опасения – пустая клоунада. Судя по имеющимся свидетельствам, оба этих предположения ложны.

Исходя из этого, я использую термин «террорист» лишь изредка. В моем употреблении это аналог слова «убийца» и относится к кому-либо лишь после того, как человека признали виновным в совершении такого преступления либо в подготовке к нему. И даже в этом случае я обращаюсь к этому термину с осторожностью, поскольку технически какой-либо акт является «терроризмом» только для судей, если говорить о публичном пространстве – для СМИ, и уж точно «в глазах смотрящего». В старой фразе «Кто для одних – террорист, для других – борец за свободу» есть-таки доля истины. Маркировка чего-либо как терроризма является субъективным суждением относительно легитимности определенных актов насилия в той же мере, что и дескриптивным высказыванием на их счет.

Общаясь с воинствующими религиозными активистами и

их сторонниками, я отметил, что те редко определяют действия своих группировок как терроризм. Некоторые говорили, что их следует называть скорее борцами, чем террористами. Осужденный за подрывы абортариев лютеранский пастор заявил мне, что не является террористом, потому что насилие само по себе никакого удовольствия ему не приносит. Насилие для него – лишь средство, и поэтому он, по его словам, всего лишь «защищал нерожденных младенцев»¹⁰. Один из суннитских лидеров в том регионе Ирака, который позже перейдет под контроль ИГИЛ, говорил, что боевики из числа его соратников – это поборники веры. Обе стороны конфликта в Белфасте предпочитали называться «военизированными группами». Лидер сикхских сепаратистов в Индии говорил, что предпочитает термин «борец», а «террористами» теперь величают тех, кого раньше обзывали ведьмами, чтобы оправдать их преследование¹¹. В целом с такой позицией согласился и человек, повязанный с сетью «Аль-Каиды», сказав, что слово «террорист» – настолько избитое, что его можно употреблять только со множеством оговорок¹². Эту позицию поддержал и лидер движения ХАМАС, с которым я беседовал в Газе: теракты «живых бомб» он называл

¹⁰ Интервью с преподающим Майклом Бреем (Боуи, штат Мэриленд, 25 апреля 1996 года).

¹¹ Интервью с Соханом Сингхом (Мохали, Пенджаб, 3 августа 1996 года).

¹² Интервью с Махмудом Абухалимой (тюрьма строгого режима Ломпок, штат Калифорния, 30 сентября 1997 года).

«операциями»¹³. Как и многие другие прибегавшие к насилию активисты, свою группировку он сравнивал с армией, планирующей оборонительные маневры и использующей насилие только в стратегических нуждах. Слова «террорист» или «терроризм» из его уст не прозвучали ни разу.

И это не просто вопрос семантики. Использование слова «террорист» для описания акта насилия зависит от того, считается ли он оправданным. Обращение к этому термину во многом зависит от мировоззрения говорящего: если в целом в мире все спокойно, акты насилия считаются терроризмом; когда же бушует война, акты насилия вполне легитимны. Они могут рассматриваться в качестве упреждающих ударов, оборонительных тактик или же символов того, что мир и вправду затянут в трясину конфликта не на жизнь, а на смерть.

В большинстве рассмотренных в книге случаев для описания этого конфликта используется язык религии. Но что это меняет? Отличается ли насилие со стороны ХАМАС от насилия секулярных движений наподобие курдов? Вот в чем загвоздка: чем религиозный терроризм отличается от любого другого?

Как станет ясно дальше по тексту, какие-то отличия религия все-таки вносит. Некоторые из них бросаются в глаза сразу – скажем, обоснование актов насилия трансцендент-

¹³ Интервью с доктором Абдель Азизом Рантиси (Хан-Юнис, Газа, 1 марта 1998 года).

ной моралью или присущая им ритуальная интенсивность. Другие отличия глубже и проистекают из самого сердца религии. Знакомые нам религиозные образы противостояния и преобразования – то есть понятия космической войны – прилагаются к посюсторонним социальным конфликтам. Следствием же того, что эти космические битвы переносятся в мир людей, становятся реальные акты насилия.

Отсюда возникает еще и другой вопрос: когда религия оправдывает насилие, используется ли она в политических целях? Вопрос этот не так прост, как может показаться вначале. Трудность здесь связана прежде всего с тем, что во множестве частей света – и особенно у религиозных националистов – религия вновь начала выступать как идеология общественного порядка, где религиозные элементы переплетены с политическими. Как будет видно из представленных в книге примеров, религия отнюдь не невинна, но и не всегда приводит к насилию. Это происходит лишь когда в результате совпадения ряда обстоятельств – политических, социальных и идеологических – она сплавляется с насильственными проявлениями общественных чаяний, личной гордыни и оппозиционных движений.

Поэтому вопрос о том, почему религиозный терроризм возник именно в данный момент истории, следует поместить в контекст, под которым я понимаю связанные с насилием исторические обстоятельства, социальные локусы и взгляды. Чтобы в них разобраться, мы обратимся не только к пред-

ставлениям вовлеченных в акты насилия религиозных активистов, но и к сообществам их сторонников, а также к идеологиям, приверженцами коих они являются.

Культуры насилия: взгляд изнутри

Терроризм – почти никогда не одиночный акт. Когда братья Куаши напали на редакцию парижского сатирического журнала «Шарли Эбдо», множество их собратьев из числа алжирских иммигрантов сочли это заслуженной мстостью за то, что рассматривали как глумление над ними самими и их религией. Расстреливая молодежный лагерь, норвежец Андерс Брейвик воображал, что эту его попытку остановить мультикультурализм и распространение мусульманской культуры оценят едва ли не все расисты-христиане, – и кто-то из них, быть может, и оценил. Когда доктор Барух Гольдштейн заходил с автоматом в Пещеру Патриархов, то делал это с молчаливого одобрения его собратьев-евреев из близлежащего поселения Кирьят-Арба. В Мьянме, когда разъяренные толпы буддистов врывались в мечети и торговые лавки своих соседей-мусульман, подстрекали их к этому воинственные монахи. Когда в городе Пенсакола, штат Флорида, преподобный Пол Хилл убил выстрелом из дробовика врача Джона Бриттона и его телохранителя у самых дверей клиники, определенные христианские круги агрессивных сторонников запрета абортотворцев со всех США горячо приветствовали его поступок. Когда Мохаммед Атта и его подельники из «Аль-Каиды» угнали в Бостоне коммерческие авиалайнеры, которые спустя некоторое время врезались в

башни-близнецы Всемирного торгового центра и мгновенно обратили их в руины, то было частью хорошо согласованного плана, в котором участвовали десятки их сообщников и сотни – а может, и тысячи – людей в США, Европе, Афганистане, Саудовской Аравии и так далее по всему миру.

Как показывают эти примеры, для успеха теракту нужны сторонники и, в некоторых случаях, разветвленная организационная сеть. Ему также требуется невероятная моральная убежденность самих нападающих, чтобы оправдать массовое разрушение материальных объектов или безжалостное посягательство на чужую жизнь – особенно тех, кто им незнаком и к кому они не питают никакой личной вражды. Не обойтись тут и без немалой внутренней убежденности, социального признания и одобрения со стороны легитимизирующей идеологии или авторитетной личности. Вследствие того, что таким актам необходима моральная, идеологическая и организационная поддержка, они, как правило, готовятся сообща – как тот заговор, что привел к распылению нервно-паралитического газа в токийском метро, или тщательно спланированные бомбовые атаки ИГИЛ.

Даже если какие-то акты и похожи на самодеятельность отдельных энтузиастов, у них часто есть сетевая поддержка и идеологическое обоснование, хотя бы и не столь очевидные. Игаль Амир, убийца Ицхака Рабина, принадлежал к движению мессианского сионизма, широко представленного как в Израиле, так и за его пределами. За атакой братьев

Царнаевых на финише Бостонского марафона стояла группа сторонников независимости Чечни от России. За Тимоти Маквеем, осужденным за подрыв федерального здания в Оклахома-Сити, была субкультура воинствующих христиан, сообщества которых рассеяны по всем США. За норвежским «поборником» христианства Андерсом Брейвиком, устроившим в 2011 году кошмарную бойню в молодежном лагере неподалеку от Осло, стояла европейская субкультура ненависти к мусульманским мигрантам¹⁴. В 1993-м взрывы во Всемирном торговом центре изначально считались делом рук кучки сторонников незрячего египетского шейха; их обширные связи с «Аль-Каидой» – международной сетью исламских активистов по главе с Усамой бен Ладеном – обнаружились лишь позднее. Во всех этих случаях действия активистов поддерживали, по их мнению, не только другие люди, но и витающее в воздухе чувство, будто мир и так уже полон насилия, и обуявшие его великие битвы морально оправдывают их собственные насильственные действия.

Ощущение, будто твоя община уже еле держится под градом ударов и что собственные твои действия являются лишь ответом на это насилие – один из существеннейших аспектов таких культур. В некоторых случаях это чувство с готовностью разделяют и сочувствующие извне движения – так, скажем, множество людей по всему миру считают пережи-

¹⁴ *Turrettini U. The Mystery of the Lone Wolf Killer: Anders Behring Breivik and the Threat of Terror in Plain Sight. Pegasus, 2015.*

вание угнетенности со стороны палестинских мусульман хотя и прискорбной, но понятной реакцией на ситуацию политического контроля. В случае же, например, воображаемого угнетения воинствующих христиан или буддийского «Движения 969» в Мьянме, страхов, что полчища мусульман сотрут с лица земли чью-то культуру, или обвинений международных правительств и ООН в сговоре с целью кого-то закабалить большинство соглашается, что это параноидный бред. Прочие кейсы – связанные, например, с сикхскими боевиками в Индии, еврейскими поселенцами на Западном берегу, мусульманскими политиками в Алжире, воинствующими католиками и протестантами в Северной Ирландии и «антиабортниками» в США, – весьма противоречивы, и трезво мыслящие люди тут есть с обеих сторон. Во множестве случаев, таких как теракты ИГИЛ или «Аль-Каиды», конкретные политические конфликты перерастают в масштабную духовную брань.

Полагают ли это чувство угнетенности легитимным или нет аутсайдеры, оно безусловно легитимно для членов общины. Эти-то коллективные представления и подпитывают культуры насилия, расцветшие сейчас по всему миру – в группах еврейских националистов от Кирьят-Арба до Бруклина, где постоянно мусолится тема защиты Израиля, в горных поселках Айдахо и Монтаны, чьи жители, воинствующие христиане, считают, что их религиозным и личным свободам угрожает невероятных масштабов правитель-

ственный заговор, и – повсеместно – в набожных мусульманских общинах, которые полагают ислам осажденным современным обществом с его секуляризмом. В некоторых случаях при большой географической протяженности число принадлежащих к этим культурам людей крайне невелико: не следует забывать, что, например, культура насилия, которую представляет ХАМАС, не охватывает ни всех палестинцев, ни всех мусульман, ни даже всех палестинских мусульман; точно так же лишь незначительная часть евреев и христиан в мире поддерживает еврейский экстремизм или воинствующее христианство. И все-таки место вооруженной борьбе находится в каждой из этих религиозных традиций.

Вместо того чтобы говорить о «культурах» насилия, я мог бы описывать эти группы через понятия террористических «сообществ» или «идеологий», однако термин «культура» мне нравится тем, что охватывает оба измерения терактов – идейное и социальное. Нет нужды добавлять, что я трактую это понятие шире, чем эстетический продукт жизнедеятельности общества¹⁵, включая в него также этические и обще-

¹⁵ Я осознаю, что используемая мною фраза «культуры насилия» кому-то может напомнить термин «культуры бедности», предложенный в 1960-х Оскаром Льюисом и другими антропологами для описания настроений, царивших в латиноамериканских баррио и афроамериканских гетто в США. Льюиса обвиняли в том, что представленный им статичный набор ценностей, сложившихся в этих отчаянных условиях, с одной стороны, оправдывал кучу интеллектуальных и моральных изъянов вышедших из этих культур людей, с другой же – предполагал, что им уже ничем не помочь. Мое понятие «культур насилия» этого не предполагает.

ственные ценности, определяющие жизнь отдельно взятой социальной ячейки. Задавшись целью постичь эти культуры насилия, я поставил перед собою задачу проникнуть в мировоззрение к ним причастных и прикоснуться к тому, как террористы мыслят.

Такой подход к исследованию культур насилия можно определить как «эпистемический анализ мировоззрения» – это понятие выработали в ходе бесед о методологии я и моя коллега Мона Канвал Шейх, бравшая интервью у членов пакистанского «Талибана»¹⁶. Этот термин привлекает нас тем, что охватывает идею «эпистемы» в смысле Мишеля Фуко – то есть мировоззрения или парадигмы мышления, «определяющей условия возможности любого знания»¹⁷. Оно включает также и представление о совокупности укорененных в обществе идей о самом обществе – то, что Пьер Бурдьё называет «габитусом» и определяет как «социально сконструированную систему когнитивных и мотивационных структур»¹⁸. Именно этот культурный базис Клиффорд Гирц описывал

¹⁶ Подробнее об идее эпистемического анализа мировоззрения и более широком повороте к социотеологии в социальных науках см. нашу статью: *Juergensmeyer M., Kanwal Sheikh M. A Sociotheological Approach to Understanding Religious Violence* // eds. *Juergensmeyer M., Kitts M., Jerryson M. The Oxford Handbook of Religion and Violence*. Oxford University Press, 2013. P. 620–643.

¹⁷ *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 195.

¹⁸ *Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice*. Cambridge University Press, 1977. P. 95.

как «культурную систему» того или иного народа: это паттерны мысли, мировоззрения и смыслы, привязанные к деятельности общества. По его мнению, такие культурные системы включают как секулярные идеологии, так и религии¹⁹.

Используемый мной культуральный подход к исследованию терроризма имеет как преимущества, так и свои недостатки. Позволяя детальной рассматривать специфические мировоззрения и моральные обоснования каждой группы, он уделяет меньше внимания политической работе лидеров этих движений и международным активистским сетям. Относительно этих аспектов терроризма я полагаюсь на другие работы, в том числе на исчерпывающие исследования «Терроризм» Вальтера Лакёра и «Внутри терроризма» Брюса Хоффмана, охватывающие как исторические, как и современные прецеденты²⁰; наработки Вальтера Райха и Джеррольда Поста по социальной психологии терроризма²¹; политическую аналитику – например, «Чего хочет террорист» Луизы Ричардсон, работу Марты Креншоу о структу-

¹⁹ См. главы «Идеология как культурная система» и «Религия как культурная система» в сборнике: *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 225–267, 104–148.

²⁰ *Laqueur W.* Terrorism. Little, Brown, 1977; переработанное издание: *Laqueur W.* The Age of Terrorism. Little, Brown, 1987; *Hoffman B.* Inside Terrorism. См. также: *Dietze C., Verhoeff C.* The Oxford Handbook of the History of Terrorism. Oxford University Press, 2016; и *Schmid A.* The Routledge Handbook of Terrorism Research. Routledge, 2011.

²¹ *Origins of Terrorism / ed. Reich W; Robins Robert S., Post J.* Political Paranoia: The Psychopolitics of Hatred. Yale University Press, 1997.

ре террористических организаций в Алжире и тексты Петра Меркля о левацком терроризме в Германии²²; и наконец, вклад Пола Уилкинсона и Брайана Дженкинса в анализ терроризма как инструмента политической стратегии²³.

Данные работы позволяют другим ученым сосредоточиться на разработке культурального подхода к анализу террористических движений и попытаться воссоздать мировоззрение террористов изнутри – то, что я обозначил как «эпистемический анализ мировоззрения». Сегодня в рамках этого направления представлен уже целый ряд важных работ в формате кейс-стади: это анализ движения христианских реконструкционистов (Джулия Ингерсолл) или движения христианской идентичности (Джеймс Аго), ирландских боевиков (Мартин Диллон), воинствующих сикхов (Синтия К. Махмуд), еврейских активистов (Эхуд Шпринцак), террористов-смертников ХАМАС (Пол Штайнберг и Анн-Мари

²² *Richardson L.* What Terrorists Want: Understanding the Enemy, Containing the Threat. Random House, 2007; *Crenshaw M.* Revolutionary Terrorism: The FLN in Algeria, 1954–1962. Hoover Institution, 1978; *Merkel Peter H.* West German Left-Wing Terrorism // *Terrorism in Context* / ed. *Crenshaw M.* Pennsylvania State University Press, 1995. P. 73–97. См. также статью Креншоу об инструментальном и организационном подходах к изучению терроризма: *Crenshaw M.* Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches // *Rapoport David C.* Inside Terrorist Organizations. Columbia University Press, 1998. P. 13–31.

²³ *Wilkinson P.* Political Terrorism. Macmillan, 1974; *Jenkins B.* International Terrorism: Trends and Potentialities. RAND Corporation, 1978. См. также: *Contemporary Research on Terrorism* / eds. *Wilkinson P., Stewart A. M.* Aberdeen University Press, 1978; *Hoffman B.* An Agenda for Research on Terrorism and LIC [Low-Intensity Conflict] in the 1990s. RAND Corporation, 1991.

Оливер) и пакистанских талибов (Мона К. Шейх)²⁴. Благодаря этим и прочим работам, вкупе с моими собственными эмпирическими исследованиями и любопытными репортажами международных журналистов, и могла появиться книга, которую вы держите в руках: сравнительный культуральный анализ религиозного терроризма.

Начинается она с частного рассмотрения религиозных активистов, которые обращались к насилию сами либо его оправдывали. Первая половина работы посвящена недавним терактам, связанным почти что со всеми основными религиозными традициями: здесь есть главы о христианах в Европе, боровшихся с мусульманскими мигрантами, и в США – те поддерживали подрывы абортариев или уничтожение федерального здания в Оклахома-Сити; католиках и протестантах, одобрявших теракты в Северной Ирландии; мусульманах, связанных с ИГИЛ, в Ираке и Сирии, атаками «Аль-

²⁴ *Ingersoll J.* Building God's Kingdom: Inside the World of Christian Reconstruction. Oxford University Press, 2015; *Aho J.* The Politics of Righteousness: Idaho Christian Patriotism. University of Washington Press, 1990; *Dillon M.* God and the Gun: The Church and Irish Terrorism. Routledge, 1997; *Mahmood Cynthia K.* Fighting for Faith and Nation: Dialogues with Sikh Militants. University of Pennsylvania Press, 1997; *Sprinzak E.* The Ascendance of Israel's Radical Right. Oxford University Press, 1991; *Oliver A.-M., Steinberg P.* The Road to Martyrs' Square: A Journey into the World of the Suicide Bomber. Oxford University Press, 2005; и *Kanwal Sheikh M.* Guardians of God: Understanding the Religious Violence of the Pakistan Taliban. Oxford University Press, 2016. См. также статьи в сборнике *Entering Religious Minds: The Social Study of Worldviews* / eds. *Juergensmeyer M., Kanwal Sheikh M.* Routledge, 2019; и мою статью: *Juergensmeyer M.* Entering the Mindset of Violent Religious Activists // *Religions*. 2015. No. 6 (3). P. 852–859.

Каиды» на ВТЦ в Нью-Йорке и ХАМАС на Ближнем Востоке; иудеях, одобрявших гонения на палестинцев, убийство премьера Ицхака Рабина и атаку на Пещеру Патриархов в Хевроне; индусах, связанных с нападениями на мусульман в индийском штате Гуджарат, и сикхах, стоявших за убийством главного министра Пенджаба Беанта Сингха и премьер-министра Индиры Ганди; воинствующих буддистах, насилии против мусульман в Юго-Восточной Азии и пуске нервно-паралитического газа в токийском метро.

Поскольку все эти кейсы затрагивают не только тех, кто вовлечен в теракты непосредственно, но и мировоззрения культур насилия, которые их обусловили, я провел интервью с некоторым количеством связанных с этими культурами людей. В последующих главах я решил сделать акцент на нескольких. В ряде случаев я ссылался на признанных лидеров политических организаций, в числе которых Ашин Виратху, Абдель Азиз Ранти, Том Хартли и Симранджит Сингх Манн. В иных случаях я выбирал открытых активистов, осужденных за связанные с насилием преступления, – таковы Махмуд Абухалима, Майкл Брей и Йоэль Лернер. Иногда я обращался к представителям низших эшелонов активистских движений, таким как Такеши Накамура и Йо-хай Рон, и жертвам насилия – например, пострадавшим от ИГИЛ беженцам в Курдистане и Ираке или пережившим бомбовые атаки палестинцам на Западном берегу. Интервью, которые я решил представить в деталях, таким обра-

зом, довольно разнообразны, но в каждом из этих случаев, как мне кажется, они наилучшим образом отражают мировоззрения культур насилия, к которым принадлежат информанты.

Вторую часть книги я посвятил закономерностям – той общей логике, что прослеживается в культурах насилия, описанных в первой части. Здесь я пытаюсь объяснить, почему и как именно связаны меж собой религия и насилие. В главе 7 я рассказываю, почему акты религиозного терроризма направлены к достижению не только стратегических, но и символических целей. В главах 8 и 9 – описываю, как субъекты религиозного насилия увязывают образы космической борьбы с посягательством политическим конфликтом, и объясняю поэтапное развитие процессов демонизации и символического усиления. Глава 10 посвящена тому, как религиозное насилие сообщает страдающим от отчуждения индивидам, маргинальным группам и вдохновленным идеологам ощущение силы.

В заключительной главе я возвращаюсь к вопросам, связанным с религией прямо: почему люди верят, что Господь Бог может санкционировать терроризм, почему религия сегодня возвращается к нам в столь кровавом обличье и что мы можем тут сделать – если вообще что-то можем. Отправляясь от выводов, сделанных в ходе анализа религиозного терроризма, я предлагаю пять сценариев того, как насилие может сойти на нет.

Если мы хотим ответить на вызовы религиозного терроризма эффективно и так, чтобы не преумножать насилие, нужно, как мне кажется, осознать, почему именно происходят теракты. Этой практической задаче, стоявшей предо мною при написании книги, подлежит, однако, попытка понять ту роль, какую насилие всегда играло в религиозном воображении, и как можно помыслить Бога насылающим ужас – то есть террор.

Эти две цели взаимосвязаны. Один из сделанных мною выводов таков, что для религии со всеми ее образами и идеями нынешний исторический момент глобальной трансформации оказался благоприятным для возвращения в качестве публичной силы. В тени же религиозных нестроений и возможностей для возрождения религии в политической сфере скрываются, как я полагаю, едва ли не повсеместное обесценивание светских источников авторитета и потребность в альтернативных идеологиях общественного порядка. В этом, возможно, и состоит исторический парадокс, наглядно представленный в нынешних терактах: ответы на вопросы о том, почему современный мир по-прежнему нуждается в религии и почему он содрогается от публичных актов насилия, – это один и тот же ответ.

Часть первая. Культуры насилия

2. Христово воинство

С потрясениями от кошмарных актов насилия, вызванных к жизни религиозными чувствами, европейцам и американцам пришлось свыкнуться задолго до 11 сентября и терактов ИГИЛ в 2015 году в Париже. Однако же до событий 2001-го в Нью-Йорке и Вашингтоне большинство религиозных терактов на Западе были связаны не с исламом, а с христианством. Так, Великобританию долгие годы терзала борьба католиков и протестантов в Северной Ирландии, а Европу в целом – агрессия активистов-христиан против недавних иммигрантов из Алжира, Марокко и с Ближнего Востока. В числе терактов, организованных в США до 11 сентября воинствующими христианами, можно назвать стрельбу в еврейском социальном центре в Калифорнии, взрывы на Олимпийских играх в Атланте и в федеральном здании в Оклахома-Сити, а также нападения на абортарии. Уже после этого водораздела число терактов со стороны христиан только увеличилось – не только в Африке, где они связаны с движениями вроде «Господней армии сопротивления» Джозефа Кони, но также в США и Европе, где они обусловлены гнусной ксенофобной ненавистью к мусульманским мигрантам и где христиане с

1990 года совершали теракты чаще мусульман.

Именно с таких христианских примеров из США и Европы я и хотел бы начать исследование религиозного насилия, охватившего сегодня весь мир. Хотя внимание общественности долгое время было приковано по большей части к событиям на Ближнем Востоке, я решил начать с феномена, который большинству американцев и европейцев покажется равно знакомым и чуждым: это воинствующее христианство на Западе. Из привычного здесь – окружение, из странного – сама та идея, что религиозный экстремизм может существовать в ультрасовременных обществах XXI века. Кому-то покажется удивительным также и то, что терроризм вообще может быть связан с христианством.

«Поборник» христианского мира Андерс Брейвик

22 июля 2011 года, спустя несколько часов после чудовищного нападения норвежца Андерса Брейвика на детский лагерь неподалеку от Осло, мне позвонили с норвежского телевидения. В течение полутора часов Брейвик беспрепятственно преследовал и расстреливал своих жертв, убив в итоге шестьдесят семь человек; еще двое утонули в море, попытавшись бежать. Младшей девочке было четырнадцать лет, большинство же составляли тинейджеры из молодежного крыла либеральной политической партии, которая высо-

ко ставила ценности мультикультурализма. Некоторых пуля настигла при попытке к бегству, прочие молили о пощаде – но безуспешно. Когда об этом злодеянии передавали по телевизору, меня мучил немой вопрос, преследовавший тогда всех: зачем кому-либо совершать такое безумство?

Тот же вопрос задали мне по телефону и представители телевидения, хотя к тому времени у СМИ уже был на руках ключ к решению этой загадки. Через несколько часов после стрельбы в интернете был опубликован объемный написанный по-английски манифест авторства Эндрю Бервика – что, очевидно, опять же английская форма норвежского имени Андерс Брейвик. Я попросил немедленно выслать мне его по е-мейлу.

«Манифест» оказался причудливой мешаниной. Текст на полторы тысячи страниц назывался «2083 – Европейская Декларация Независимости» и являл собою дикую смесь дневниковых заметок, пересказов книг со статьями и параноидального обсасывания событий из европейской истории и политики, связанных со «зловредным влиянием» феминизма, культурного марксизма и особенно мусульманской культуры. Убийства же, по всей видимости, были попыткой привлечь внимание к этому бессвязному и желчному сочинению – по крайней мере, отчасти. Большую часть ночи я просидел в кабинете за чтением рукописи, пытаюсь уразуметь, что бы это вообще могло значить. Что приковало мое внимание первым, так это заглавие: не та его часть, где «Европей-

ская Декларация Независимости» (независимости от чего, от кого?), а дата. Что такого особенного произойдет в 2083-м? Число «2083» в брейвиковском манифесте – это год кульминации войны, которая продлится семьдесят лет со дня его подвига. Но ведь 2011-й плюс 700 будет 2081-й – почему же датой окончательного изгнания мусульман из Норвегии для него стал 2083-й, откуда взялись еще два года?

Ответ обнаружился на странице 242-й, где он объясняет, что в 1683 году состоялась Венская битва: тогда после ожесточенной схватки было разгромлено войско Османской империи – и это позволило большей части Европы не влиться в исламский мир. Дата в заголовке Брейвика означала 400-летнюю годовщину этого решающего сражения, и оказалось, что для самого Брейвика его поступок как бы воспроизводил исторические усилия по избавлению Европы от того, что он воображал исходящим от мусульманства злом. Исламская угроза – один из центральных мотивов манифеста, пронизанного чувством срочной необходимости остановить «мусульманскую волну, которая вот-вот захлестнет Северную Европу», – так он это воспринимал. «Довольно трепать языком, – провозглашает Брейвик, – пришло время вооруженного сопротивления»²⁵.

Его противниками в этой воображаемой космической войне являлись «культурные марксисты / мультикультура-

²⁵ Berwick A. [*Anders Breivik*] 2083 – A European Declaration of Independence (публикация на странице Брейвика в Фейсбуке от 22 июля 2011 года). Р. 811.

листские элиты», которых он называет «нацистами наших дней» и чья цель – якобы «ввергнуть нас [белых европейцев] в культурную бойню, продав в рабство мусульманам». И далее Брейвик угрожает этим «мультикультуралистским элитам»: «Мы знаем, кто вы и где вы живете, – и мы за вами придем».

Его манифест – любопытный эклектический документ, напоминающий сборную солянку из чего угодно, от руководств для мелких фермерских хозяйств до аннотации к курсу по революции, предназначенному для учебных заведений; к аннотации прилагается обширная библиография, где представлены такие авторы, как Иммануил Валлерстайн, Теда Скочпол, Эрик Хобсбаум, а в качестве учебника предлагается книжка «Теория революции», подготовленная моим коллегой в Санте-Барбаре Джоном Фораном. Также тут есть теоретико-исторические глоссы на темы европейской истории и политических идей, а также попытки объяснить ислам и мусульманскую историю – причем поданные таким образом, чтобы выдать эту крупнейшую религиозную традицию за идеологию, созданную с целью достижения мирового господства. Кроме того, в манифесте есть руководство по изготовлению террористических приборов и подготовке терактов, а также советы относительно одежды, которую следует надеть, чтобы тебя не поймали, – здесь «отлично подойдет» полицейская форма.

Самая же, пожалуй, интересная часть текста Брейвика –

это хронология, в которой он день за днем отслеживает несколько недель, предшествующих взрывам и стрельбе 22 июля. Хронология эта заканчивается констатацией факта: «Полагаю, это моя последняя запись. Сейчас пятница, 22 июля, 12:51». Пару минут спустя он отправил свою 1516-страничную книгу по электронной почте на тысячи адресов из списка контактов и семи тысячами подписчиков на Фейсбуке – вкупе со ссылкой на сделанное им видео, опубликованное на Ютубе. Затем он поехал в деловой центр Осло и взорвал бомбу, которая убила восемь человек и обрушила здания, где располагались офисы правящей политической партии. Потом надел полицейскую форму, в таком виде прошел в молодежный лагерь Либеральной партии – «Венстре» – и хладнокровно убил шестьдесят девять молодых людей и подростков.

Подобно многим сегодняшним террористам, он обставил свой акт насилия как перформанс – чтобы показать миру, что в какой-то момент «главным» был он. Его теракт был призывом к оружию, адресованный воображаемому кругу сторонников, и маячком, возвещающим о начале космической войны между бытийными силами добра и зла. В тени земного конфликта была борьба за весь христианский мир. Как видно из заглавия манифеста, Брейвик хотел воссоздать исторический момент, когда христианство дало отпор вражеским полчищам, а ислам – изгнан от лица того, что он полагал «чистотой европейского общества». Набожным хри-

стианином Брейвик не был: он гордился наследием викингов и называл себя «одинистом» по имени древнего северогерманского божества. Однако же вместе с тем он чувствовал, что защищает наследие европейского христианского мира, и собирался даже восстановить орден тамплиеров – силу, которая противилась исламскому господству в эпоху Крестовых походов. Подобно героям своей любимой игрушки World of Warcraft Брейвик мыслил себя героем в великой битве древних противоборствующих сил.

Историческая траектория этой войны, которая будет поделена на четыре стадии с кульминацией в 2083 году, описывается им в деталях и очень тщательно. Силы мультикультурализма, по его мнению, встанут насмерть и будут сопротивляться любым попыткам их одолеть. «На достижение победы у нас уйдет 70 лет», – пишет он, но добавляет, что «итоговая победа абсолютно несомненна»²⁶. На заключительной стадии великой космической войны – гражданского конфликта между силами мультикультурализма и немногочисленными праведниками – либеральные силы по всей Европе падут в результате серии переворотов. Затем наконец-то случится долгожданная «депортация муслимов», и европейский христианский мир восстановится.

Брейвик надеялся, что его манифест станет набатом, который пробудит равнодушных христиан в Северной Евро-

²⁶ Berwick A. [Anders Breivik] 2083 – A European Declaration of Independence (публикация на странице Брейвика в Фейсбуке от 22 июля 2011 года). P. 811.

пе ото сна, и они примкнули к его борьбе, одолеют силы мультикультурализма и выгонят мусульман. Основной целью терактов, как он заявил позднее, было привлечь внимание людей к манифесту и заставить его прочесть. Хотя цели своей он достиг, нет никаких свидетельств, что книга убедила кого-либо поддержать борьбу Брейвика, – если только этот кто-то уже ее не поддерживал. Вместо этого СМИ выставили его в довольно-таки жалком свете, и 24 августа 2012 года ему дали, по сути, пожизненный срок. Среди обвинений значились «массовое убийство, организация взрыва, повлекшего человеческие жертвы, и терроризм».

Тимоти Маквей и подрыв федерального здания в Оклахома-Сити

Собирая материалы по делу Андерса Брейвика, я не мог избавиться от пугающего ощущения дежавю. Около пятнадцати лет до его демарша еще один молодой «воитель» тоже самовольно попытался спасти родину от воображаемого засилья либералов, и последствия этой попытки были ужасными и трагическими. Человека, который устроил взрыв в Оклахома-Сити, звали Тимоти Маквей, и сходства между ним и норвежцем Брейвиком действительно поразительны. Оба были не уродами внешне, молоды, принадлежали к белой расе и считали себя солдатами в космической войне за восстановление христианского мира. Оба думали, что вы-

званные ими массовые разрушения станут началом великой битвы по спасению общества от либеральных сил мультикультурализма, из-за которых в его ряды затесались представители других вероисповеданий и рас. Оба говорили, что сожалеют о человеческих жертвах, но что их действия были «необходимыми» – и это с абсолютной непримиримостью. Они даже использовали схожий тип взрывчатки – смесь нефтяного топлива и аммиачной селитры, входившей в состав удобрений, будто бы нужных Брейвику для фермерских экзерсисов. Ферму же, как выяснилось впоследствии, он арендовал прежде всего потому, что там было удобно испытывать бомбы. Опять же, огромная важность исторических дат: Маквей был заиклен на 19 апреля, годовщине осады «Маунт Кармел»; Брейвик выбрал 22 июля – в 1099 году в ходе Первого крестового похода в этот день было основано Иерусалимское королевство – и 2083 год, служивший напоминанием о европейской победе над мусульманскими ордами под Веной в 1683-м.

Ключевое отличие между Маквеем и Брейвиком – манифест. У этого первого склонности к писательству не было, и поэтому он использовал куски и цитаты из любимой книжки – романа-антиутопии «Дневники Тёрнера», написанного неонацистом Уильямом Пирсом под псевдонимом Эндрю Макдоналд. Это произведение объясняет мотивы Маквея пугающе сходным образом с тем, как «Декларация» – мотивы Брейвика: Маквей считал, что либеральные политики от-

ступили под натиском глобализации и мультикультурализма и что страну пытаются захватить «чурки» – то есть небелые, нехристиане, приверженцы нетрадиционной ориентации и враги патриархата. Дабы сохранить страну для христианства, праведные мужи – белые, гетеросексуальные и не поддавшиеся губительному влиянию феминизма – должны вмешаться в ход событий и преобразить мир силой взрыва, который послужит сигналом к началу войны. Маквей взял эти идеи из «Дневников Тёрнера», но их же разделял и Брейвик.

Подобные концепции свойственны также части христианской субкультуры в Европе и США, в которой считается, что превосходство белой расы основано на божественном праве. Это главная идея движения «Христианской идентичности», которое оказало влияние на Маквея и многих других американских активистов, а также спровоцировало такие акты насилия, как инцидент в Руби-Ридж и убийство еврейского телеведущего в Денвере, штат Колорадо. Оно сильно повлияло на Эрика Роберта Рудольфа, печально известного с 1990-х благодаря длинной череде актов насилия, в том числе взрывам в абортариях Бирмингема, Алабамы и Атланты, штат Джорджия; разгромом лесбийского бара в Атланте; наконец, подрывом бомбы на Олимпийских играх в Атланте в 1996 году. В течение пяти лет Рудольф скрывался в Аппалачах, но в 2003 году был пойман и теперь отбывает несколько пожизненных сроков. Все эти теракты объединяет между собой их связь с абортами и гомосексуальностью – многие

христиане считают их аморальными. Как сказал мне в интервью один из его защитников, Рудольф разозлился на организаторов Олимпийских игр за то, что когда факел с олимпийским огнем передавали по городам на юге США по пути в Атланту, те намеренно пропустили один округ в Северной Каролине из-за его решения о «несовместимости содомии с ценностями общины». Рудольф интерпретировал это заявление как поддержку гомосексуальности со стороны организаторов игр²⁷. В более широком смысле, по словам информанта, Рудольф был обеспокоен тем, что светские власти насаждают вседозволенность и «атеистический интернационализм», возглавляя тем самым враждебный лагерь в том, что другой его сторонник, преподобный Майкл Брей, называет идущей в современном обществе «культурной войной»²⁸.

Хотя эти опасения разделяют многие христианские активисты, в случае Рудольфа они были связаны с движением «Христианской идентичности», знакомым ему еще с детства: одно время он вместе с матерью состоял в ячейке «Американской идентичности» во главе с Дэном Гейманом, и СМИ сообщали, что он также знал позднего проповедника «Идентичности» Норда Дэвиса. Богословие «Христианской идентичности» основано на радикальном супремасизме и библейском законе. В США оно легло в основу таких экс-

²⁷ *Bray M. Running with Rudolph* // Capital Area Christian News. 1998–1999. No. 28. P. 2.

²⁸ *Ibid.*

тремистских групп, как Posse Comitatus, «Орден», «Арийская нация», а также движения сторонников Рэнди Уивера в Руби-Ридж, «Всемирной церкви Бога» Герберта Армстронга, «Свободных людей Монтаны» и «Мировой церкви Творца». Оно популярно во многих военизированных движениях, а в 1999 году вдохновило Буфорда Фарроу напасть на еврейский центр в Гранада-Хиллс, штат Калифорния.

Рис. 1. Тимоти Маквей в Уйэко

По всей вероятности, идеи «Христианской идентично-

сти» оказали влияние и на Тимоти Маквея, предрасположенного к их восприятию благодаря связям с культурой ополченцев. Кроме того, он знал об Элохим-Сити – военном лагере «Христианской идентичности» на границе Оклахомы и Арканзаса. Хотя неоспоримые свидетельства о причастности Маквея к этой общине отсутствуют, материалы дела содержат информацию о телефонных звонках, которые он совершал в Элохим-Сити в последние месяцы до подрыва федерального здания в Оклахома-Сити, – один из них за две недели до атаки²⁹. У Маквея был штраф за мелкое нарушение правил дорожного движения, допущенное на расстоянии десяти миль от общины на единственном к ней подъезде. Идеи «Идентичности» или близкие к ним концепции он усваивал, например, из *The Patriot Report* – новостного листка «Христианской идентичности» с редакцией в Арканзасе, – но по большей части, скорее всего, из «Дневников Тёрнера»³⁰. По словам приятелей, роман был его «настойной книгой» и даже «библией»³¹. По сообщению одного оружейного коллекционера, который часто видел Маквея на выставках оружия,

²⁹ *Dees M., Corcoran J. Gathering Storm: America's Militia Threat. HarperCollins, 1996. P. 2.* Свидетельства о том, что Маквей бывал в Элохим-Сити, приводятся в: *Hoffman D. The Oklahoma City Bombing and the Politics of Terror. Feral House, 1998. P. 83–84.*

³⁰ *Macdonald A. [William Pierce] The Turner Diaries. National Vanguard Books, 1978; см. также репринтные издания: National Alliance, 1985; Barricade Books, 1996.*

³¹ *Dees M., Corcoran J. Gathering Storm. P. 154.*

тот за бесценку впаривал книгу любому, кто хоть как-то ею интересовался, и всегда таскал при себе экземпляр³². Более того, вопреки отпирательствам Маквея, из его телефонных счетов видно, что он несколько раз говорил с автором романа напрямую, в том числе незадолго до нападения на Оклахома-Сити³³.

Сам автор, Уильям Пирс (1933–2002), получил докторскую степень в Колорадском университете, какое-то время преподавал физику в Орегонском университете, а затем писал тексты для Американской нацистской партии. Хотя сам он связь с движением «Христианской идентичности» отрицал – и поругивался на топорность многих «идентичных» групп, – идеи Пирса практически неотличимы от характерного для них стиля мышления. В 1984-м он объявил себя лидером религиозной общины, названной «Обществом Космотеистов» и чрезвычайно походившей на группы в рамках «Христианской идентичности»³⁴.

³² Ibid. P. 158.

³³ Несмотря на то что Пирс, автор «Дневников Тёрнера», отрицал, что был знаком с Маквеем или говорил с ним, два независимых правоохранительных органа заявляют о наличии записей телефонных разговоров, доказывающих, что Маквей совершил длинный звонок на отсутствующий в телефонном справочнике номер Пирса в Западной Вирджинии за несколько недель до взрыва. Эту информацию впервые привели CNN, она фигурирует также в: *Dees M., Corcoran J. Gathering Storm*. P. 165.

³⁴ *Solnin Amy S. «William L. Pierce: Novelist of Hate»*, research report of the Anti-Defamation League. Anti-Defamation League, 1995. P. 8.

Рис. 2. Остатки автомобилей на фоне взорванного федерального здания. Фото: старший сержант Престон Честин

В «Дневниках Тёрнера», вышедших в 1978-м за подписью Эндрю Макдоналда и описывающих апокалиптическое противостояние между борцами за свободу и диктатурой американского правительства, нашли отражение многие идеи Пирса относительно «идентичности» и «космотеизма». В подполье роман быстро стал классикой и разошелся в количестве 200 тысяч копий на выставках оружия и через почтовые каталоги. Для активистов наподобие Роберта Мэтьюса, замешанного в убийстве еврейского радиоведущего в Денвере, книга служила прямым руководством к действию. Как и Тимоти Маквей, Мэтьюс воспринял агитки романа о беспределе правительственного контроля в США и сопротивлении ему со стороны боевой группировки «Орден» на полном серьезе. Именно «Орденом» назвал собственное движение Мэтьюс, и именно стратегию партизан-патриотов из пирсовского романа – по части нападений на правительственные объекты – почти в точности воспроизвел Маквей при уничтожении федерального здания в Оклахома-Сити.

Один из разделов «Дневников Тёрнера», хотя и написанный почти за восемнадцать лет до взрыва, читается едва ли не как сводка с места этих чудовищных происшествий. В леденящих кровь деталях там описывается, как протагонист разносит на части федеральное здание при помощи грузо-

вика с кузовом, забитым «чуть менее чем пятью тысячами фунтов» аммиачной селитры и нефтяного топлива. Грузовик Тимоти Маквея был нагружен 4400 фунтами такой же смеси, упакованной и перевезенной в точности как описано в книжке. По сюжету целью взрыва было ударить по (якобы) злокозненному правительству и вдохновить «свободных людей» на борьбу³⁵. Согласно идее Пирса, подобные меры необходимы из-за умонастроений секуляристской диктатуры, навязанной американскому обществу усилиями заговорщиков – жиждолибералов, которые с дьявольским упорством стремятся лишить христианское общество его свободы и духовных ориентиров.

Пирс и активисты «Христианской идентичности» взыскуют революции, которая покончит с установившимся в Америке разделением церкви и государства – точнее, поскольку официальную церковь они презирают, речь идет о «слиянии религии и государства» в новом обществе с религиозным законом. Именно поэтому столь многие «идентичники» практиковали совместную жизнь в теократических группах – Элохим-Сити, ячейках «Свободных людей Монтаны», «Арийской нации» и «Обществе Космотеистов» Пирса. Хотя капитализм эти религиозные коммунитаристы и не отвергают, многим нравится, чтобы собственность была общей. Из общего у них апокалиптический взгляд на историю и еще бóльшая, чем у реконструкционистов, склонность к теори-

³⁵ *Macdonald A. [William Pierce] Turner Diaries. P. 64.*

ям заговора. Им кажется, что великое столкновение между свободой и правительственной кабалой начнется буквально с минуты на минуту, а потом их мужественные боевые усилия повергнут дьявольскую систему в трепет и пробудят в массах свободолюбивый дух. Вот вкратце основные идеи, которые Тимоти Маквей перенял из пирсовских «Дневников Тёрнера» и, опосредованно, теорий «Христианской идентичности».

Мысль «Христианской идентичности» берет свое начало еще в XIX веке в движении британского израилизма. Как пишет специалист по этому движению Майкл Баркун, одним из его отцов-основателей был Джон Уилсон, чья центральная работа – «Лекции о наших израильских истоках» – была адресована широким кругам британцев и ирландцев из среднего класса³⁶. Уилсон утверждал, будто Иисус был не семит, а вовсе даже ариец; что Колена Израилевы, переселенные некогда из Северного Израильского царства, тоже были голубоглазые арийцы, каким-то образом оказавшиеся на Британских островах; и что под «заблудшей овцой из дома Израилева» имеются в виду не кто иные, как нынешние англичане³⁷. В позднейших версиях теории добавляется, что люди, называющие себя евреями, – самозванцы. В некоторых изводах «идентичности» их считают отпрысками Евы от

³⁶ *Barkun M. Religion and the Racist Right: The Origins of the Christian Identity Movement. University of North Carolina Press, 1994.*

³⁷ *Ibid. P. 7.*

гнуснейшего полового сношения с Дьяволом, в других – инопланетянами, явившимися сюда из космоса. В любом случае, эти вроде-как-евреи претендуют на такое звание исключительно с целью заявить о своем превосходстве и добиться власти над миром. Предполагается, что в жидовском заговоре не обошлось и без тайного ордена протестантских масонов.

В США британский израилизм пришел в начале XX столетия трудами евангелиста Джеральда Л. К. Смита и публициста Уильяма Кэмерона, который писал за автомобильного магната Генри Форда³⁸. Сам Форд разделял многие из этих взглядов, так что его именем был даже подписан сборник антисемитских эссе «Международное еврейство как первейшая мировая проблема» (1920–1922), на самом деле написанных Кэмероном. Именно к нему восходят такие идеи «Христианской идентичности», как необходимость для англосаксонской расы восстановить свою чистоту и политическое господство, а для западных обществ – придерживаться библейских принципов в управлении. Позднее философию «Христианской идентичности» продвигали Бертрам Компаре, помощник окружного прокурора в Сан-Диего, а также Уэсли Свифт – член Ку-Клукс-Клана, в 1946 году основавший «Церковь христиан Иисуса Христа». Эта церковь по-

³⁸ *Zeskind L. The «Christian Identity» Movement: Analyzing its Theological Rationalization for Racist and Anti-Semitic Violence. Division of Church and Society of the National Council of Christ in the U. S. A., 1986. P. 12.*

служила фундаментом для «Лиги христианского сопротивления», организованной Биллом Гейлом на его ранчо в Марипосе, штат Калифорния, из которой впоследствии вышли Posse Comitatus и «Арийская нация»³⁹.

Основной аудиторией британского израилизма XIX века были элиты британского общества; в США эта идеология жестче и более политизирована. Приверженцы «Идентичности» были по большей части сравнительно безобидны; как пишет Джеффри Каплан, изучавший современные группы «идентичников» на Среднем Западе и Северо-Западе Америки, общественное сознание сильно упростило эти идеи, так что для американских правых кругов эти группы стали наподобие «монстров»⁴⁰. Даже если это и так, именно эта идеология стояла за рядом куда более одиозных групп и произошедших в американском обществе инцидентов конца XX – начала XXI столетия.

В последние десятилетия крупнейшее скопление ячеек «Идентичности» в США наблюдалось в штате Айдахо с центром в поселении «Арийской нации» неподалеку от Хейден-Лейк, а также в южной части Среднего Запада у границ Оклахомы, Арканзаса и Миссури. Именно здесь группа христиан-«идентичников» под названием «Завет, Меч и Божья Десница» выстроила поселение площадью в 224 акра и воен-

³⁹ Ibid. P. 14.

⁴⁰ Kaplan J. Radical Religion in America: Millenarian Movements from the Far Right to the Children of Noah. Syracuse University Press, 1997. P. 175.

ный лагерь, который они окрестили не иначе как «Учебным центром по выживанию и борьбе с концом света»⁴¹. Неподалеку от них проповедник «Христианской идентичности» Роберт Миллар и бывший член Американской нацистской партии Глен Миллер основали Элохим-Сити, чьи жители собирают оружие и готовятся к рейду из правительственного Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия «по сценарию „Ветви Давидовой“»⁴². С этим-то лагерем «Христианской идентичности» Тимоти Маквей и контактировал незадолго до того, как подорвать федеральное здание в Оклахома-Сити.

Американский извод «Христианской идентичности» вообрал в себя многие параноидные воззрения британского движения, несколько подновленные под общественные тревоги широких масс современных американцев. Так, например, они обвиняют ООН и Демократическую партию, что те будто бы соучаствуют в заговоре жидомасонов с целью захватить весь мир и поработить человечество. В одном из опубликованных в 1982 году памфлетов «Идентичности» евреи описываются как «паразиты и стервятники», управляющие миром через международные банковские сети⁴³. Осно-

⁴¹ *Zeskind L.* The «Christian Identity» Movement, 1986. P. 45.

⁴² *Baumgarten G.* Paranoia as Patriotism: Far-Right Influences on the Militia Movement. Anti-Defamation League, 1995. P. 17.

⁴³ Памфлет под названием «Знай своего врага», 1982 год, автор – Гордон «Джек» Мор (основатель Христианской патриотической лиги защиты). Цит. по: *Aho J.* The Politics of Righteousness. P. 96.

вание Международного валютного фонда, введение магнитных карточек и штамповка бумажных денег, не обеспеченных золотом или серебром, называются в публикации заключительными этапами реализации «сатанинского плана»⁴⁴.

Еще один крайне болезненный для «Христианской идентичности» вопрос – контроль над оружием, поскольку они полагают, что именно с его помощью «жидолиберальные заговорщики из ООН», как они говорят, намерены вырвать последние ростки сопротивления централизованной власти. «Заговорщики» вроде как стремятся любой ценой отнять у людей оружие, которое они могли бы использовать для защиты себя и сограждан от тиранического режима. Одержимость этой проблемой сделала многих сторонников «Идентичности» естественными союзниками Национальной стрелковой ассоциации США. Риторика ассоциации сыграла немалую роль как в подпитке их страхов относительно правительственного контроля над оружием, так и в плане тиражирования их паранойи в публичной сфере.

Ближе к концу 1990-х движение «Христианской идентичности» стало, по всеобщему признанию, одним из главных в США рупоров ультраправых идей. Лидером его в то время был Ричард Батлер – бывший пресвитерианский пастор, которого часто описывают как «старейшину американской ненависти»⁴⁵. Хотя община «Арийской нации» в Айдахо на-

⁴⁴ Aho J. The Politics of Righteousness. P. 91.

⁴⁵ Murphy K. Last Stand of an Aging Aryan // Los Angeles Times. 1999, January

считывает всего горстку его сторонников, живущих на ферме площадью в двадцать один акр, дневная посещаемость их сайта составляет более пятисот человек. Кроме того, движение получало крупные денежные вливания от Карла Стори и Винсента Бертоллини – двух предпринимателей Кремниевой долины. По сообщениям, к 1999 году их организация под названием «Последний посланник одиннадцатого часа» потратила на продвижение идей «Идентичности» один миллион долларов и имела доступ еще к пятидесяти. Один из проектов, который они финансировали, заключался в массовой почтовой рассылке видеопленки, на которой Батлер излагает одну из теорий «Христианской идентичности», а именно теорию «чистого семени адамовой крови», которую (кровь) якобы пытается искоренить глобальный заговор⁴⁶. Обширные связи с этой общиной были и у других групп – таких, например, как «Орден» Роберта Мэтьюса.

Наиболее радикальные «идентичники» становятся террористами-одиночками. Некоторые напоминают Баффорда Фэрроу – тот жил когда-то в общине Батлера и женился на вдове Мэтьюса – или Бенджамена Смита, который 4 июля 1999 года устроил стрельбу в Иллинойсе с Индианой и принадлежал при этом к около-«идентичной» церкви, чуравшейся других «идентичных» церквей – а значит, и всего

10, 1999: A1.

⁴⁶ *Murphy K. Hate's Affluent New Godfathers // Los Angeles Times. 1999, January 10: A14.*

остального христианства. Другие похожи на Тимоти Маквея, чья группа напоминала скорее организацию наоборот – безымянную и сплоченную.

Однако же «Христианская идентичность» – далеко не единственная девиантная христианская идеология, вдохновившая теракты на земле США. Другие связаны с учением христианского реконструкционизма, так что многие из этих терактов целились в клиники, где проводились аборт. Впрочем, их активисты – не только пролайферы; это сторонники идеи перековать американское общество под кальвинистские принципы «христианской политики» – так, чтобы Америка стала подлинно христианской страной.

Майкл Брей и взрывы в абортариях

«Одной промозглой февральской ночью» преподобный Майкл Брей с другом выехали на желтой «Хонде» из его дома в Боуи, направившись в близлежащий городок Довер, штат Делавэр. Содержимое багажника хорошего не предвещало: шлакоблок, чтобы разбить стекло, канистры с бензином, чтобы облить им здание по периметру и внутри, тряпки и спички для разжигания пламени. На дороге стоял туман, а мост через Чесапикский залив весь обледенел. Машину занесло, случилась небольшая авария, но приятели были твердо намерены ехать дальше. «Еще не забрезжил рассвет, – рассказывал Брей, – как единственный доверский абортарий

объяло пламя, и с убийством младенцев было покончено»⁴⁷. В следующем, 1985 году он и еще два ответчика предстали перед судом за уничтожение семи абортариев в Делавэре, Мэриленде, Вирджинии и Вашингтоне с общим ущербом более миллиона долларов. Брея признали виновным и приговорили к тюремному сроку. Отсидев, 15 мая 1989 года он вышел на свободу.

Многие годы спустя, общаясь с Бреем в его загородном доме в Боуи, я не увидел в нем ничего зловещего или особенного фанатичного: это веселый и обаятельный красавец-мужчина, только что разменявший пятый десяток. Он предложил называть его Майк и очень мало походил на узколобого фундаменталиста с большим гонором. После обеда Брей любил пропустить бокальчик вина и со знанием дела рассуждал о богословии и политике⁴⁸.

Подобная манера сильно отличалась от того, как он вел себя на публике. Незадолго до одного из моих интервью с Бреем он появился на телевидении в передаче Nightline, посвященной терактам со стороны борцов с абортами⁴⁹. Ведущий обвинил его в авторстве подпольного мануала «Армия Бога», который содержит подробные инструкции по уничто-

⁴⁷ *Bray M. A Time to Kill: A Study Concerning the Use of Force and Abortion. Advocates for Life Publications, 1994. P. 9.*

⁴⁸ Интервью с Бреем (25 апреля 1996 года и 20 марта 1998 года). Все слова Брея, если особо не указано обратное, взяты из этих двух интервью.

⁴⁹ Nightline, выпуск от 9 марта 1998 года.

жению абортариев и саботажу. Обвинений Брей не отверг, но и не подтвердил. Когда несколько дней спустя в разговоре я поинтересовался у него об авторстве документа, он вновь уклонился от прямого ответа, но показал мне копию текста, которую имел в распечатке. Мануал был написан в характерном для него сатирически-бойком стиле, так что я заподозрил, что обвинение ведущего было верным. Наличие связи между Бреем и «Армией Бога» было установлено еще ранее в ходе процесса, когда литеры AOG – «Army of God» – обнаружились на зданиях, которые, по свидетельству обвинения, он поджег. На мой вопрос, почему Брей не отрицает за собой авторство брошюры, если действительно ее не писал, тот ответил, что «хотел выказать солидарность с кем бы то ни было, кого обвиняют в авторстве этой книги»⁵⁰.

⁵⁰ Интервью с Бреем (20 марта 1998 года). Цитата взята из личного письма от 9 марта 1999-го, в котором тот разъяснил мне свою позицию.

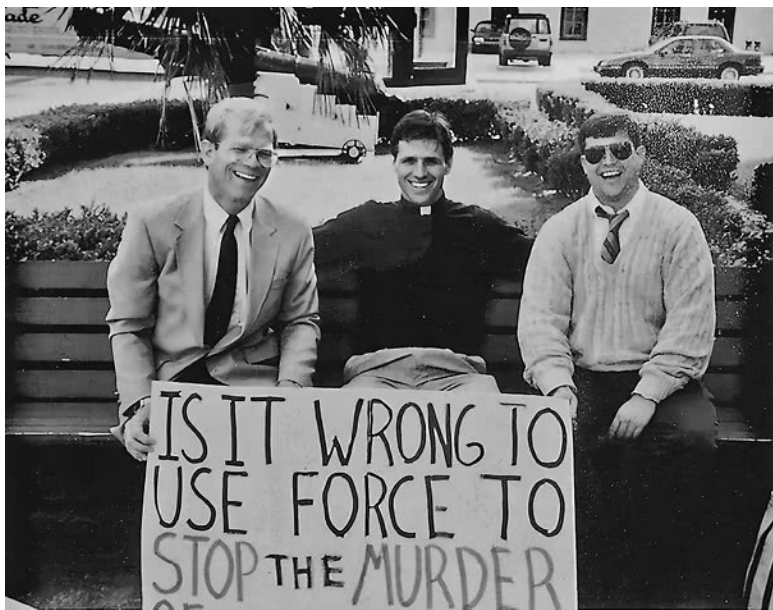

Рис. 3. Преподобный Пол Хилл (слева) и преподобный Майкл Брей (в центре) держат плакат «Разве неправильно использовать силу, чтобы остановить убийство невинных младенцев?». Фото: Майкл Брей

Был ли он автором мануала или же нет, его идеям Брей, безусловно, симпатизировал. В качестве лидера движения «Защитное действие» Майкл Брей утверждал, что использование насилия в антиабортной борьбе оправданно, хотя даже пролайф-активисты сочли его нападения на абортарии перебором. Это же касается и его текстов. В 1991–2002 годах

Брей выпускал один из самых воинственных во всей стране христианских новостных листков под названием Capitol Area Christian News («Капитолийские христианские новости»); среди основных тем – аборт, гомосексуальность и еще так называемые «патологические злоупотребления» со стороны федеральных властей.

Брей официально выступал в поддержку двух активистов, осужденных за убийство либо покушение на жизнь сотрудников абортариев. Так, в 1994 году в городе Пенсакولا, штат Флорида, соратник Брея, преподобный Пол Хилл, застрелил доктора Джона Бриттона и его телохранителя Джеймса Барретта у клиники Ladies Center. За несколько лет до этого сторонница Брея по имени Рэйчел (Шелли) Шэннон – домохозяйка из сельского Орегона – также признала участие в нападениях на абортарии. За покушение на доктора Джорджа Тиллера, совершенное у дверей его клиники в Вичите, штат Канзас, ее приговорили к тюремному сроку. Ее выстрелы доктора только ранили, но когда в 2009-м он был все же убит во время богослужения Скоттом Редером, Брей горячо одобрил этот поступок и написал у себя на сайте, что «решение прервать жизнь того, кто прерывает жизни, – это *удачное* решение, ибо оно спасает *реальные* жизни» (курсив в оригинале)⁵¹. Брей также написал книгу «Время убивать», и

⁵¹ Bray M. Thoughts on Tiller, Justified Homicide, and Persisting Abortionists // Army of God website. 2009, May 31. URL: [http://www.armyofgod.com/MikeBrayThoughtsOnTillerJustifiableHomicide.html].

в плане этического обоснования антиабортного насилия это ключевая работа, где оправдываются его собственные теракты, убийства врачей и действия активистов вроде Шэннон⁵². Однако же в личном общении преподобный Брей – человек приветливый и нескучный.

По его словам, он всегда вел активный образ жизни и воспитывался в семье, где любили спорт, церковь и военную жизнь. Его отец служил морским офицером в близлежащем Аннаполисе, так что Майк рос с мыслью, что последует его стопам и сделает карьеру на флоте. В школе он слыл крутым спортсменом и на выпускном танцевал с самой популярной девчонкой в классе. Ее звали Кэти Эпштейн, но известной на всю Америку она станет под именем Кэти Ли как популярная певица и соведущая (с Регисом Филбином) утреннего ток-шоу на телевидении. У Майка столь явных знаков успеха не было. В Военно-морской академии в Аннаполисе он проучился всего год, а потом бросил и жизнь вел «разгульную». В религии он искал спасение от своего недуга и на какое-то время соблазнился мормонством. Мать его бывшей девушки Кэти Ли подтолкнула его к Билли Грэму и опыту «второго рождения». Майк обратился в евангелическое христианство

⁵² Bray M. A Time to Kill. Книга была написана еще до убийства Бриттона и Барретта. В ней приводятся доводы в защиту Майкла Гриффина, который убил доктора Дэвида Ганна, также во Флориде (р. 124). Как свидетельствуют статьи Брея на тему поступка Пола Хилла, представленные в книге аргументы распространяются и на него тоже и могут рассматриваться как обоснование его действий *pre factum*.

и поехал в Колорадо учиться в баптистском Библейском колледже и семинарии.

Однако же он никогда не отвергал и веры, в которой рос, — лютеранства. Вернувшись в Боуи, он присоединился к церкви своего детства и стал помощником пастора. Во время объединения национальных лютеранских церквей фракция местной общины во главе с Бреем противилась тому, что полагала отказом национальной церкви от принципа библейского буквализма. В 1984 году примеривший на себя роль крестоносца Брея и еще десять семей откололись и основали Реформированную лютеранскую церковь — независимую деноминацию, связанную с национальной Ассоциацией свободных лютеранских конгрегаций. Даже спустя многие годы церковь Брея по-прежнему насчитывала около пятидесяти человек и не имела своего помещения. Сначала она базировалась в загородном доме Брея, а в 2003 году он переехал в Уилмингтон, штат Огайо, где перестроил гараж для класса христианской начальной школы и вместе с женой вел небольшую группу учеников.

В 1990-х основной сферой деятельности Брея мало-помалу становится общественный активизм. При поддержке супруги, прихожан своей церкви и добровольного ассистента Майкла Колвина, который получил в свое время научную степень по классической филологии в Индианском университете и работал в федеральной службе здравоохранения, Майк и его последователи объявили крестовый поход про-

тив аборт, нашли единомышленников и влились в растянувшуюся на всю страну сеть христианских активистов. Они беспокоились, что федеральное правительство – в частности, генеральный прокурор в администрации Клинтона, которую Майк с отсылкой к демаршу властей против религиозного культа в Уэйко, штат Техас, величал «Джэнет Уэйко Рино», – подрывает личные свободы и моральные устои. Американское общество, как он считал, погрязло в разврате, а управляющие им люди проявляют к истине и человеческой жизни поистине бесовское презрение. Президента Билла Клинтона и других политиков Брей считал «неоязычниками» и сравнивал с Гитлером. Образ нацизма вообще оказал сильное влияние на то, как он представлял себе реакцию нравственных людей на угрозу. Поэтому он «нисколько не сожалел» о поступках, приведших его в итоге в тюрьму. «Все, что я делал, – говорил он, – было оправданно».

По мнению Брея, американцы находятся сегодня в той же ситуации, что и «немцы при нацистах»: в стране идет невидимая война, однако же люди так одурманены комфортной жизнью, что и не понимают, насколько все серьезно. Брей был убежден, что если произойдет что-нибудь драматичное – например, экономический коллапс или общественное потрясение, – демоническая роль правительства выйдет наружу, а люди найдут в себе «силу и рвение взять в руки оружие» и разжечь пламя революционной борьбы. В результате этой борьбы, по его замыслу, в Америке воцарится но-

вый моральный порядок, основанный на библейском законе и духовном общественном устройстве в противоположность нынешнему, светскому.

Однако пока этого нового морального порядка нет, сказал Брей, он и ему подобные – люди, которые знают, что происходит, и достаточно мужественны, чтоб дать отпор, – не могут сидеть сложа руки. Христианство, по его словам, позволяет защищать безвинных «нерожденных детей» хотя бы и силой, путем «уничтожения мест, где их планомерно убивают, или отнятия жизни у тех, кто это делает». Под этим имеется в виду убийство врачей и медицинского персонала, как-либо задействованного в проведении абортотв.

В 1994-м Брей поддержал своего друга, преподобного Пола Хилла, когда тот убил доктора Джона Бриттона и его телохранителя. Теологическое объяснение Брея повлияло и на самого Хилла: «Вы можете спросить меня, каково это – прикончить абортника и его подручного», – писал он Брею и прочим своим защитникам после убийства⁵³. «Очи мои раскрыты и видят невероятное действие» этого события, «измерить которое невозможно», – добавил он. Еще он пишет, что наугад раскрыл Библию, наткнулся на строчку из 90-го псалма – «Не убоишися от страха ночного, от стрелы летящие во дни» – и понял это как знак, что с библейской точки

⁵³ Hill P. Why I Shot an Abortionist, 22 декабря 1997 года, открытое письмо преподобному М. Брею и всем присутствующим на Благотворительном Обедо Белых Роз (White Rose Banquet). Получено из рук Брея.

зрения его деяние было вменено ему в праведность.

Когда в беседе я предположил, что обращаться таким образом к насилию значит приравнивать себя одновременно к судье и палачу, Брей не согласился. Он не отрицал, что религиозный авторитет имеет право на осуждение тех, кто преступил моральный закон, но разъяснил, что нападения на абортарии и убийство врачей – по сути, не наказание, а оборона. По мнению Брея, «есть разница между тем, чтобы казнить врача на пенсии – и врача практикующего, который регулярно умерщвляет младенцев». Первое, по его мысли, будет возмездием, тогда как второе – самозащитой. Целью нападений, по мнению Брея, было не наказать клиники или же медицинский персонал за то, что они делают, а предотвратить новые «убийства младенцев». Он специально оговорился, что не защищает насилие, но в определенных случаях считает его морально допустимым. С долей иронии он сказал, что в отношении насилия, которое преследует конкретные (моральные, по его мнению) цели, он «за свободный выбор».

Обоснования насилия в христианстве

Поддержку своей позиции Майкл Брей нашел в том, как в Европе когда-то боролись с нацистским режимом. Моральным образцом для него в этом плане стал немецкий богослов и лютеранский пастор Дитрих Бонхёффер, который нежи-

данно для всех отказался от блестящей научной карьеры в Нью-Йоркской объединенной теологической семинарии, чтобы вернуться в Германию и примкнуть к тайному заговору с целью убить Гитлера. План разоблачили еще на этапе замысла, и Бонхёффер – молодой и талантливый этический мыслитель – был повешен нацистами, оставшись в памяти как мученик и автор нескольких богословских трудов. С тех пор теоретики морали часто приводят его как пример, что ради праведного дела христианин может обратиться к насилию и что обстоятельства могут вынуждать его преступить закон ради высшей цели.

Один из коллег Бонхёффера в Объединенной теологической семинарии Рейнгольд Нибур, второй любимый автор Брея и, по всеобщему мнению, один из крупнейших протестантских богословов XX века, также много размышлял на сей счет. Его беспокоила старая, как само христианство, этическая дилемма: допустимо ли ради благих целей применять силу или даже насилие? Начав карьеру как пацифист, впоследствии Нибур скрепя сердце признал, что насилие для христианина допустимо – но только ради восстановления справедливости и в ограниченной мере⁵⁴

⁵⁴ См. *Niebuhr R. Moral Man and Immoral Society*. Scribner's, 1932; а также *Niebuhr R. Why the Christian Church is not Pacifist?* Student Christian Movement Press, 1940.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.